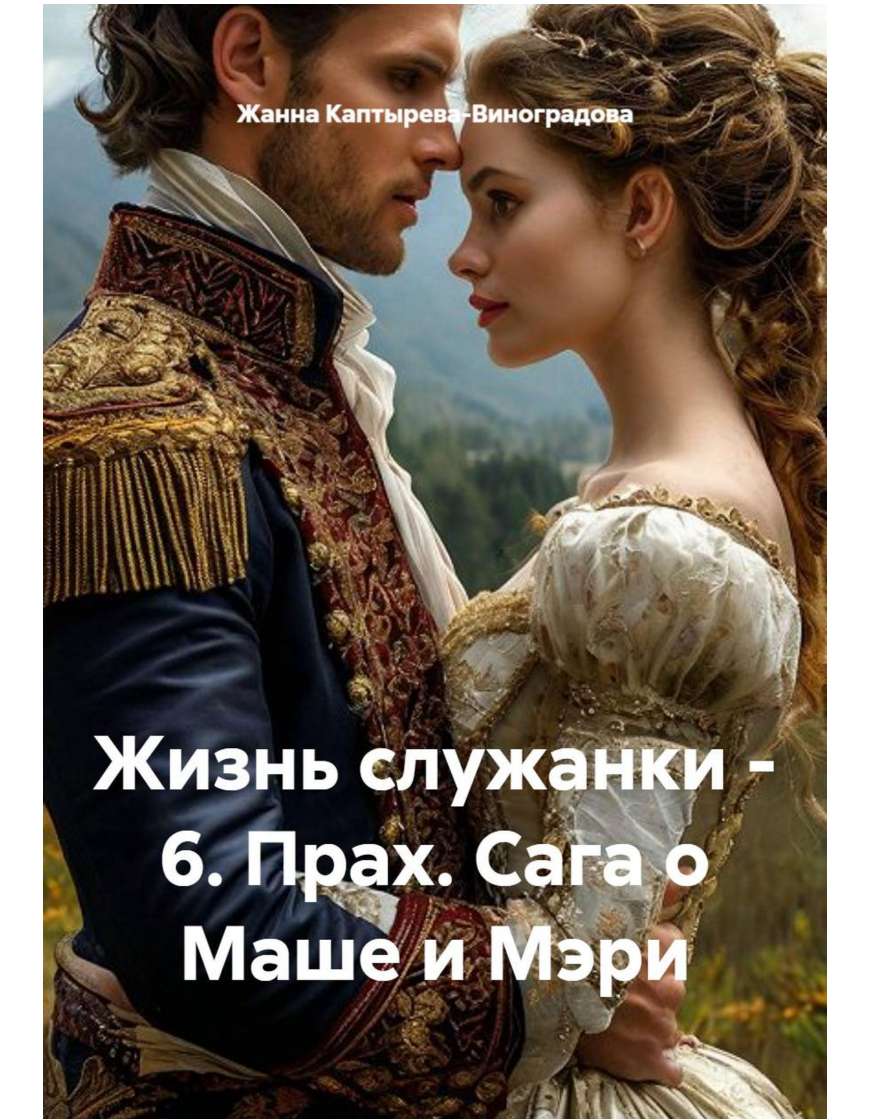

A man and a woman in 18th-century attire are shown in a close, intimate pose, nearly touching noses. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark blue coat with a highly ornate, gold-embroidered and fringed collar. The woman, on the right, has long, wavy brown hair styled in an updo with a small hair accessory, wearing a white, off-the-shoulder dress with intricate lace and embroidery. They are set against a soft-focus background of a mountainous landscape under a pale sky.

Жанна Каптырева-Виноградова

**Жизнь служанки -
6. Прах. Сага о
Маше и Мэри**

Жанна Каптырева-Виноградова

Жизнь служанки - 6. Прах.

Сага о Маше и Мэри

<https://litres.ru/74094683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маши и Мэри, такие разные, так схожи в своей жажде жизни, в своей силе. и своей любви! и как больно порой ранят нас те, кому доверяешь самое сокровенное. Сломаются ли они под ударами судьбы? Век 19 - щедрый и галантный, жестокий и справедливый. Балы, изящные дамы в кисее и шелках, осанистые господа в орденах и статные офицеры в шитых золотом мундирах, жемчуга и перья, что острее шпаг.

Содержание

Глава 1 Кот из дома - мыши в пляс!	4
Глава 2 Какого хереса?!	14
Глава 3 Два крыла у прощения	27
Глава 4 Приходи на меня посмотреть	36
Глава 5 Вор крадется в ночи	54
Глава 6 Кто был охотник, кто - добыча?	64
Глава 7 Как Мэри и Мэри наряды творили	74
Глава 8 Гори, гори моя звезда	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Жанна Каптырева- Виноградова

Жизнь служанки - 6. Прах.

Сага о Маше и Мэри

Глава 1 Кот из дома - мыши в пляс!

Прошедшая ночь для Мэри Лариной выдалась бессонной: разом захворали и Марфа, и её Ванятка, и Гошка, которого она то и дело, переходя на родную речь, звала Джорджем.

В воскресенье были на службе, во вторник к вечеру Ванечка куксился и тёр коленки, ночью Марфа то и дело просыпалась от хныканья Григория Михайловича, а к утру у всех троих начался жар. Малыши плакали, а Марфа двигалась еле-еле, как муха в меду и, что самое страшное, все трое потели, как не в себя. Вот только одела на подростшего крепыша Джорджи льняную рубашонку, а она уже влажная. И пятна такие, ...нехорошие, жёлтые и пахивают.

Активно ползающий до этого мальчишка соглашался только сидеть на руках, обняв мать за шею и наотрез отказывался играть, спать и учиться ходить.

Мэри вспомнила о биче, уносившем тысячи жизней - пот-

нице. Эта хворь, сопровождаемая сильной горячкой, головной и суставной болью, а часто - бессознательным бредом, на её родине была памятна ещё со средних веков. Заболевшего утром к вечеру уже отпевали. Обильный пот при жаре был главным маркером, никто даже не пытался понять, что являлось причиной - не до того, ибо в доме, который посетила потница, посетила сама Смерть. А кого она заберёт с собой, кого оставит - предсказать невозможно.

Крепко-накрепко запереть двери, никуда не выходить и много пить - главное лечение (и профилактика для здоровых!).

Слава Богу, все в сознании, хотя и сильно потеют. Мэри велела Анисье каждый час подавать к дверям детской ведро горячей воды и кувшин прохладного морса из кипяченой с липовым цветом воды с растертой клюквой и мёдом.

Сама заперлась в детской и ухаживала за всеми так, как совсем недавно ухаживали за ней самой. То обтирала горячую кожу водой с уксусом, то поила морсом с клюквой и сушёной малиной, бульоном или отваром ивовой коры, то застирывала детские вещи в тех самых вёдрах, что регулярно приносила Анисья. Мокрые пропотевшие простыни и пелёнки у деток она меняла, а Марфины решила после попросту сжечь - так надёжнее.

И было от чего застирывать - к жару добавились проблемы с пищеварительным трактом. Даже Марфа не всегда успевала добежать до поганого ведра за ширмой, что уж говорить

О малышах.

Единственное окно в комнате Мэри Ричардовна приоткрыла, отколупав замазку и убрав зимнюю раму - свежий воздух сразу взбодрил хворающих, только теперь, вдохнув зябкого ночного сентябрьского тумана, Мэри поняла, какой тяжкий дух стоял в комнате.

Уносила грязную воду хозяйка по черной лестнице в ватерклозет тоже сама, не чинясь ни званием своим дворянским свежеиспечённым, ни положением хозяйки в доме и благословляя архитекторов за столь умную придумку.

«Если во время вашего пребывания у знакомых вы полюбопытствуете взглянуть поближе на это секретное помещение, то, не спрашивая об нем прислугу и руководимые одним обличительным запахом, не ошибетесь при отыскании ни аршином.

Скрепив сердце, отворотив нос и удерживая дыхание, вступаете в этот, в полном смысле слова, заповедный угол и находите в нем те качества, которые встречали повсюду, на всем пространстве Руси, от Петербурга до Астрахани: темнота, хоть глаз выколи, грязь, слякоть и в довершение всего тот неизбежный, захватывающий дыхание аммиачный запах, который сделал бы честь любой, специально для добывания этого газа предназначенной лаборатории.

Если в летнее время вы в состоянии пробывать в подобном кабинете несколько лишних секунд, то вы или лишены от природы обоняния, или лёгкие ваши устроены по како-

му-либо доселе неизвестному образу.

Зато зимой это бывает иначе. Руководящего запаху меньше; вы должны спросить человека, чтобы указать дорогу; он из теплой, иногда жарко натопленной комнаты ведёт на двадцатиградусный мороз и предоставляет вас вашей плачевной участи».

Четыре дня шла неравная борьба слабой женщины с недугом. Был момент, когда казалось, что всё, та, что с серпом, заберёт с собой Ванечку, но обошлось: мятущегося в жару почти двухлетнего мальчишку просто положили в корыто с прохладной водой и в четыре руки окатывали его там, следили, чтобы не захлебнулся. Марфа, сипло дыша, как орлица, не выпускала из рук сына, сама почти без сознания от усталости.

Время от времени Мэри едва не силой укладывала её поспать, набраться сил - выкормить грудью двоих детей - это ж сколько у неё сил после того осталось? Сама она дремала не больше пары часов в день, хотя от усталости глаза закрывались сами собой. Со страхом ждала она таких же приступов у себя, прислушиваясь к самочувствию, как к шёпоту за стеной, но лишь тишина была ей ответом. Гудела и кружилась от усталости и духоты голова, ломило спину и руки - покачайте крепенького мальчишку на руках четыре часа кряду, в глаза будто песку насыпали от недосыпа. Но жара не было, как не было и сухого кашля, сотрясавшего всех троих.

И даже не поверила самой себе, когда Джордж на пятый

день проснулся и с удовольствием выпил весь бульон, а потом и вгрызся в кусочек холодной утки. Мальчишка только довольно улыбался во все свои шесть зубов, когда мать прикоснулась губами ко лбу - жара не было вовсе. Но пахивало от дитя весьма специфически. Марфа спала, обняв своего Ванятку.

Позже Марфа выяснит, что поветрие лихорадочное с кашлем прошло по столице, собирая свою печальную дань. Новорожденные и слабые от истощения дети бедняков были первыми жертвами, но и стариков многих не досчитались. Пополнили ряды жертв эпидемии и солдаты, возвратившиеся с войны - давали знать о себе старые раны, изношенные лёгкие у артиллеристов, застарелые простуды.

А Мэри благословляла мужнино начальство, отправившее её благоверного в инспекторскую поездку в Бессарабию, в Ренийский порт, что на левом Дунайском берегу, неподалёку от Черного моря.

В декабре 16-го начнёт там принимать и отправлять грузы и людей морской торговый порт с таможенной и карантинной заставами и пассажирская пристань. Самое то проявить себя молодому да раннему инспектору Петербургской государственной таможни, Михаилу Ларину. А не справится - и по шапке настучать можно, справится - молодец!

А уставшая до полусмерти Мэри, перед тем как провалиться в сон, успела подумать, что молока после такой лихорадки у Марфы больше не будет и пора, значит, Джорджа пе-

реводить на обычное питание. А второе.... неужели, мать его за ногу, не будет у нее тихой спокойной жизни?! Аж зло берёт...с этой мыслью и уснула, да так, что проспала весь день. А когда проснулась, за окном шелестел дождь, омывая золотые и бронзовые листья клёнов.

По лезвию бритвы пройди босиком

Странной была эта беременность для Марьи Яковлевны.

Ещё свежи были в памяти воспоминания о волнующих месяцах, когда она носила Аннушку во чреве и понимала, что что-то идёт совсем не так. Тревога не оставляла, дурные предчувствия терзали душу днём, а по ночам душили кошмары. Николай отпаивал любимую отваром валерианового корня, шептал милые спокойные глупости и увещевал, что всё-всё предусмотрел. Сам примет чадо, обмоет его в воде с чистотелом, перепеленает и положит на грудь к маме. И кто бы ни родился, мальчик или девочка, любить и лелеять будет одинаково, уже даже имена подбирал.

Девочку мечтал назвать Анастасией или Ольгой, а мальчика - Андреем или Михаилом, а Машеньке было всё равно. Она одинаково трепетно молила Господа о мальчишке или дочурке. Обычно будущие мамы загадывают цвет глаз и волос, форму носика и лба, а для Машеньки - лишь бы здоровый ребёночек родился, большего и не надобно.

С наступлением сентября с неожиданными в это время года ледяными дождями и снегопадами, разъехались приезжавшие погостить родственницы русских офицеров, оста-

лись только жёны, решившие разделить с мужьями всё бремя и тяготы службы.

Дом добрейшего доктора Николая Фёдоровича Арендта с наступлением осенних холодов, более похожих по морозам и снегу на русскую зиму, стал настоящим местом паломничества офицерской молодёжи.

Всё здесь напоминало Россию: долгие чаепития под свистящий самовар и и вкуснейшие разномастные пироги, не менее долгие беседы. Об устройстве мира и возможных дальнейших реформах государства российского, о запустении восточных и южных губерний, об изменениях, необходимых на Дону и Кавказе, где война с горцами так и не утихла.

Долгие разговоры, жаркие споры, мечты идеалистов, сунувших о ведении хозяйства, лишь глядячи на то, как матушка управляется в имении, в котором батюшка со скуки содержит собственный гарем из крепостных славянских красавиц-одалисок, прекрасные псарни и собственноручный маленький винокуренный заводик.

Что знают они эти юноши, прошедшие огонь, дым и кровь, о внезапном падёже скотины, о неурожаях, внезапных летних заморозках, суховеях, поливных дождях, губящих созревший урожай? Ничего, и самое страшное, что слушать не желают!

Вот и теперь они сетуют, что погиб урожай французского винограда, что вина игристого французского в этом не будет...а то, что не удалось собрать ни пшеницы, ни ржи, ни го-

роха, ни картофеля, ни кукурузы или бобов - обычного пропитания людей и животных, им и на ум не приходит. Лишь немного брюквы удалось вырастить и собрать местным пейзажанам, и той хватит лишь, чтобы впроголодь прокормиться до следующей весны.

Уже сейчас матери младенцев и дети стариков начинают оплакивать своих близких, понимая, что первыми уходят самые маленькие и слабые, самые старые и мудрые. Кто переживёт эту зиму и каким будет год предстоящий? А торговцы на награбленное по всей Европе будут покупать в России хлеб, а маменьки и папеньки этих самых восторженных офицеров будут выжимать из своих крестьян всё, что можно, чтобы по максимуму нажиться на горе тех, кто нёс горе им самим - страшный и закономерный реванш.

Марья Яковлевна лишь плечами передёргивала, отгоняя от себя тяжёлые думы и не менее тяжелые воспоминания. Удивительно, но из писем своего управляющего Марья Яковлевна узнала, что минувший год, в её поместье в частности и в России вообще, был невероятно урожайным.

"В начале года обильные дожди отлично напитали землю влагой, лето было тёплым и солнечным, частые короткие ливни вовсе не испортили погоды.

Ржи собрали сам-восемь, а пшеницы сам-пять, сам-шесть с десятины при посеве на десятину 12 четвериков (пудов) зерна 96 и 71 пуд с десятины соответственно. Особо хорошо уродились озимые, но и яровые не подкачали. В этом году,

как барыня и указывали, поболее навозу перепревшего на поля вывезем и под вспашку пустим.

От обилия яблок ломались ветки в садах - даже подпорки под ветви, отяжелевшие от плодов, ставить приходилось. Из падалицы наделали сидру и много, самые крепкие и зрелые плоды завернули в солому и хранят в сусеках-коробах в прохладных сенях барского дома. А то, что осталось, бабы деревенские пустили на пастилу: на 2 фунта печёных протертых яблок 1 яичный белок и полфунта сахара. Взбивали мутовками и сушили на рядне, натянутом на решётах. Сушили и в печи, и на печи, и на ветерке в сенях.

Изрядно вышло лакомства: и себе хватит, и в дальнюю страну барыне с обозом отправить, и Всехсвятскому монастырю на Москве поклониться довольно, и на продажу - прасолы уже интересовались. Что барыня прикажет с хлебушком делать: прасолам продавать по 8 с полтиной рублей за куль или придержать до весны, когда можно будет продать и по десятке за куль?"

Нелегка доля землевладелицы. Муж занят своей работой, горит ею и её при себе держит, оберегая от мира и опасностей, а ей так хочется туда, на зелёные холмы, где колосятся поля, капуста выёт крепкие белые с зеленью кочаны, где в тени сосен в барых иголках прячутся крепенькие маслята, в орешнике зреет лещина. Смахнув слезинку, Мэри выглянула в окно, где гас сентябрьский вечер, а на замёрзшей земле, уже скованной морозом, змеился искрящийся иней.

А господа офицеры всё спорят о том, насколько тяжело приходится жить в России без Конституции, только волею венценосного императора и как бы было хорошо, если б она была ограничена волею парламента.

Не к добру, ох, не к добру такие разговоры, надобно Николеньке шепнуть, что подобные собрания опасны и для супруги его сейчас, в её положении - чрезвычайно утомительны.

Урожай сам-столько рассчитывался очень просто: САМ - это сколько посеяли, СТОЛЬКО - во сколько раз раз больше посеянного собрали.

Глава 2 Какого хереса?!

Середина ноября в Санкт-Петербурге 1816 года - время неласковое.

Днём солнышко пригревает, топит лёд на Неве, на булыжником вымощенной мостовой, на термометре и до $+2^{\circ}\text{C}$ бывает. Днём. Только редкий солнышко гость на столичном небе, укрытом толстыми, пушистыми, тяжелыми сизыми тучами в пасмурном ноябре. А ночью примораживает крепко, до -10 опускается в термометре столбик, на оконном стекле рисует мороз изящные ветви.

Холодно. Сырой стылый ветер пронизывает до костей, поёт тонко и протяжно в печной выюшке, звенит стёклышком в оконном переплёте. Свистит звонко в гранитных колоннах Казанского собора и хищно стонет в щелях ветхих хибар в устье Невы.

Гонит по ней стылую волну льдин вверх по руслу, грозя наводнением, бьёт стылую воду о каменную набережную, добавляет льда на дорожке, и без того обледенелой и скользкой.

Жарко натоплена печка в гостиной дома Лариных, тягучая атмосфера приближающегося скандала заставляет деток нервно хныкать.

- Ступай в детскую, Марфа, и малюток приberi. Жорку переодень, слишком тепло ты его укутала. Опять своевольничаешь, паришь барчука? Не след, голубушка.

Пусть, как и Ванятка, в холстине побегает. - Ласков голос госпожи, да не зря меж бровей складочка легла - быть грозе нешуточной.

Пряча глаза, Марфа подхватила на руки Георгия Михайловича и кивком велела Ивану за собой идти. И стоило двери закрыться за малышами, как грянул гром. Тихо, без всплеска опустилась чашечка тонкого расписного китайского фарфора, полная парящего крепкого чаю, на блюдечко. Даже ложечка серебряная не звякнула - Эх, как бы гордилась такой выдержкой леди Кэтрин де Бёр!

- Скажи-ка, милая, от кого же ты забрюхателя и каков срок?

Без звука рухнула перед ней на колени статная красавица, ткнулась носом в изящные ботиночки и тонко-тонко заплакала-запричитала. - Не погуби, барыняаааа, дууууууу.

- Не вой! - Опешившая от неожиданности Мэри и слов других не нашла. Всего она ожидала, но не такого...раболепства. Даже тувелькой домашней, на заячьем меху, попыталась оттолкнуть вцепившуюся в подол рыдающую бабу. И тут её как водой ледяной окатило: забыла?! Она - раба твоя и есть! В твоей воле её жизнь и смерть, а теперь - и жизнь ни в чём не повинного младенца. Судя по реакции несчастной Анисьи, глаза твои тебя не обманули. Брюхата, и нетрудно догадаться, от кого.

- Рассказывай! Кто? Когда? Как?

- На исходе лета, барыня. Позвал меня Михаил Василье-

вич его в бане веничком знатно отхлестать, ну и.. - и она потупилась, не в силах продолжать.

- Отхлестала, стало быть. - в душе Мэри поднималось что-то тёмное, страшное, тягучее и тяжёлое. Застилало глаза серым туманом, заливало уши вязкой смолой. Лишало возможности вдохнуть и даже говорить приходилось через силу.

- Ага, а как вышла из бани, вся распаренная, так и налетел на меня кучер ваш, Анфим, так и смял всю прямо там, рот запечатал, я и пискнуть не смогла. Много ли поорешь в предбаннике? Барин Михаил Васильевич видать, чего услышал, выскочил в одной мачалке и шайкой его по башке огрел, да поздно уж было.

- М-да! Попарились. Оба-трое. Анфима ко мне позови и к венчанью готовься. Ступай.

Сил не было. Вот просто невозможно было руку поднять, чтобы взять ледяными пальцами тонкую изогнутую ручку чайной чашки.

Вился парок над тёмной жидкостью, терпкий аромат щекотал ноздри, обещая успокоение, а сделать над собой последнее усилие, чтобы освежить саднящее горло Мэри не могла. Как будто она долго бежала и кричала - и вдруг рухнула, полностью обессиленная.

Стук дверного молотка внизу словно разбил хрустальную призму, в которой чувствовала себя замурованной Мэри Ларина.

- Какого хереса?! - голос Мэри Ричардовны, бывшей гор-

ничной госпожи Беннет, личной горничной госпожи Дарси, а ныне - потомственной дворянки госпожи Лариной, взлетел под потолок, отразился от оконных рам, заметался по комнате перепуганной птицей.

По лестнице дробно простучали деревянные каблучки домашних туфель Анисьи, ответственной за открывание дверей, а ещё через пару минут она поскреблась обратно и, распахнув двери гостиной, торжественно изрекла: Княжна Мария Николаевна Волконская с сопровождающей с визитом. И испарилась в проёме, пропуская с поклоном земным двух гостей с лицом спокойным и умиротворённым, словно пять минут назад не над её головой гроза бушевала.

Этикет требовал приветствовать гостей с поклоном и выражением невероятного радушия и радости на лице хозяйки. Мэри честно попыталась исполнить сие упражнение для мышц лица - выражение получилось такое, что Мэри Беннет споткнулась на ровном месте и чуть не дала стрекача в обратном направлении.

- Догадываюсь, милая Мэри Ричардовна, что мы несколько не вовремя. - Невысокая крепенькая смуглолицая дама лукаво и несколько снисходительно улыбалась. - Вы должны меня простить, но я просто не смогла бы дожидаться нашей встречи, если бы действовала, стого следуя обычаем света: визитка, ответная визитка, письмо с просьбой о встрече, и ваш ответ... Да и батюшка мог воспрепятствовать нашей встрече, мол, зазорно княжне в гостиик купчихе являть-

ся...

- Отчего же к купчихе? - Не совсем вежливо перебивать княжон, ну да не она первая собеседницу укусить попыталась. - Имею честь именоваться потомственной дворянкой по награждении мужа моего, Михаила Васильвича, орденом святой Анны 4-й степени. - Гордый поклон красиво посаженной головы вызвал шквал ответных искренних извинений.

Красные пятна краски смущения некрасиво проступили на смуглой коже княжны, но Мэри уже взяла её за руку и усаживала на диванчик, на котором сидела сама, наливала чай в расторопно доставленный Анисьей сервиз и угощала гостей.

- Вы должны простить нас, миссис Ларина, - вступила в разговор мисс из прошлого, - мы не были извещены об изменении вашего общественного положения и статуса и попали впросак.

Госпожа княжна хотела лично выразить вам своё восхищение вашими украшениями, которые произвели настоящую сенсацию.

- Никакой сенсации они произаести не могли, мисс Мэри, ибо уже не единожды от самых знатных фамилий приходили заказы. А вот, что они действительно смогли украсить её сиятельство, я и сама вижу.

У нас с вами, мисс, получилась наша задумка, и я рада, что к обоюдной пользе мы продолжим наше сотрудничество.

- Ах, госпожа Ларина, я бы хотела посмотреть, как вы со-

здаёте Ваши творения и пригласить Вас погостить у нас, в Ясной поляне, будущим летом, под Тверью.

- Прошу меня извинить, ваше сиятельство, но я мужняя жена, мать, хозяйка в лавке, и временем своим располагаю мало. Но с удовольствием принимаю Ваше приглашение, и, коли Бог даст, то и воспользуюсь им.

А пока - прошу, удовлетворите Ваше любопытство, ничего секретного в моей работе нет. Открыв секретер, она продемонстрировала схему очередного плетения и наполовину готовое изделие.

- Это можно купить? - голос княжны просел на пару октав разом.

- Увы, Ваше сиятельство, этот заказ графини Екатерины Петровны Ростопчиной будет отправлен своей хозяйке в ближайшее время, она собирается выехать в Москву.

- О, да. Я встречала её нынче в свете.

Графиня Ростопчина показалась мне совсем другим человеком; многие её просто не узнали. Прежде она вечно носила огромный чепец, точно прабабушка, а теперь показывается с непокрытой головой. Правда, на ней парик, и прическа её очень оригинальна, в былое время она считала грехом ходить без чепчика. С полчаса мы с ней разговаривали... она только и толкует о балах, да о выездах...

Дочери её недурны. Старшая красивая, но вероятно не умна, потому что поминутно смеется без всякого толка. К тому же она жеманится по-петербургски, говорит сквозь зу-

бы. Вторая очень милая, удивительно похожа на отца, у неё гордое выражение лица, держит себя с достоинством, но без всяких ужимок, словом, в ней есть что-то привлекательное.

(Если что, это цитата из письма современницы графини)

- Может, и так. Но, если Вы желаете сделать заказ, то должны описать мсс Мэри ваш наряд и прическу, насколько экстравагантным или строгим вы видите это украшение. Я обязательно пришлю Вам эскиз. Когда Вы его одобрите, я приступлю к его изготовлению, но не раньше, чем закончу с другими заказами.

- И она повела рукой по ящичкам, на которых значилось с десяток имён, как прославленных, так и княжне вовсе неизвестных, с датами, расписанными на три месяца вперёд. - Как видите, Ваша светлость скучать мне не приходится.

Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши жёны?

Всё чаще возвращается домой морозными вечерами любезный друг, Николай Фёдорович, мрачнее тучи.

И для его беспокойства немало причин, но главная - рассредоточение русских войск на 120 км вдоль франко-бельгийской границы. Стоят русские войска на постое не в городах, как принято, а при небольших поселениях. А чтобы не утруждать великой нагрузкой содержания иностранной армии местное население, господин главнокомандующий распорядился построить казармы.

Но где казармы - там скученность и антисанитария, там болезни.

Всё чаще возвышает свой недовольных голос на воскресных посиделках Николай Федорович, но кто будет принимать во внимание слова штафирки, пусть и прошедшего рядом всю военную компанию? Он теорий о стратегии не изучал, небось, туману нагнетает, требуя более активной работы для солдат на свежем воздухе.

- И пусть любезный Николай Иванович Тургенев пишет домой, в Россию, в частности, что во Франции русских солдат «кормили и поили точно так же, как в России; притом им давали водку и спали они на хороших кроватях. ... Вскоре солдаты привыкли к этой роскоши, отсутствовавшей даже у самых богатых русских мужиков». Но постоянно присутствует дúшка Николай Иванович при прусском реформаторе фон Штейне, преобразовывает послевоенную Германию, пишет книгу об опыте теории налогов. Вот только о глубинной, подлинной жизни русского мужика имеет самое поверхностное понятие. Как и о питании солдата!

- Вспомнить только муку с песком, что нам поставляли!

- Так я нынче на кухне и крупу с песком и камнями обнаружил. Для веса сыпят, мерзавцы. Отписал рапорт Михаилу Семёновичу, а будет ли толк?!

- Ладно, коли песок и камни, так ведь и яду подсыпать могут.

Любезный друг, Марья Яковлевна, вы о травках народных больше нашего знаете, не перечислите ли господам офицерам народные средства?

- А сто́ит ли? Впрочем, извольте, всё, что я перечислю, ваши собственные крестьяне прекрасно знают.

Борец часто в парках хозяйских растёт - травка красивая, как и безвременник, только ядовиты от корешка до цветочка, их даже нюхать опасно. А морозник так красиво цветёт, что барышня так и тянется его сорвать и к платью бальному приколоть. Увы, этот цветок трогать опасно, хотя травницы его используют в микроскопических дозах. Можно просто желудок прочистить, а можно и отёк горла получить такой, что задохнуться проще простого. Коли из тиса выточить миски для деток барских или погремушку- лизунок для растущих зубок, ох, как красиво, но детки хворые будут расти, слабенькие. И, увы, уйдут к Богородице раньше времени.

Неопалимая купина - поставить в вазу букет в спальне на ночь - и у барыни воспалятся глаза и горло. А капли из беладонны, в глаза закапанные, делают взгляд красавицы необычайно томным, а глаза сияющими. Увы ненадолго, если увлечься, то и ослепнуть недолго. А капнуть те же капли горничной в чай или суп хозяйский проще простого - и хозяйка не в себе, то грезит о несбыточном, то спит, а то рыдает и руки на себя наложить пытается.

А уж сколько крестьянских ребятишек померло, отдавав с голоду в лесу вороньего глаза, волчьей ягоды, алых ягодок ландышей или сладких корешков ве́ха - так и не перечесать.

А уж коли войска неприятельские ослабить через кухню, так уберутся домой побыстрее - и вся недолга. Или полягут,

едва покинув постой.

Много так французских разведчиков в деревнях наших свой конец нашли, с глодухи всё, что ни подсунешь, трескали. Довольно ли, господа? А то ведь я, как супруга доктора и на деревне всю жизнь выросшая, среди лугов и лесов, и продолжить могу: лютики, болиголов, можжевельник казацкий, воронец, бирючина, жимолость лесная.

Со страхом и трепетом смотрели господа на хрупкую женщину, так спокойно и с улыбкой рассуждавшую об ужасных вещах. Её будущее материнство красило её невероятно, движения были плавны, нежный голос - напевен и нежен. И тем шокирующе просты рецепты.

А ведь и правда, на столике у сестрицы таковой флакончик стоит, матушка заботливо прикупила. И половина из цветов и кустарников растёт в их имениях даже не в лесу - на клумбах у окон.

- Ах, господа, за наш стол вы можете быть спокойны, я лично наблюдаю за продуктами, хранящимися в доме. Но столь ли зорко следят за кухнями солдатскими?

Вы очарованы французскими нежными дамами, а французы тем временем мой обоз на границе едва не разорили дотла. А ведь мука да крупа с соленьями-вареньями не только для нашего пропитания доставлялась. Трое солдатиков охранения головы сложили, чтобы вы нынче супчиком грибным со сливками и рассольником наслаждались, а на кухне уж очередь за тем рассольником выстроилась из оголодав-

ших жителей предместий.

Для нас с вами такой мороз в декабре привычен и приятен, а их озлобляет до крайности.

- Ох, пропесочили вы нас, дорогая хозяйюшка. А ведь и правда, расслабились мы. Рассуждаем о великом, а что под носом творится, не замечаем.

Надобно бы настоять Михаилу Семёновичу о суде над наиболее злостными поставщиками негодных продуктов, глядишь, чужой пример и других вразумит...

- Или проще: отказаться от поставок муки и договориться с булочниками о покупки у них готового хлеба.

Только в начале декабря я сам, господа, наблюдал, как из 45 мешков поставленной купцом-французишкой крупы было солдатами извлечено 79 килограммов песка. Провеяли умельцы - и нате вам! Тот стоял ни жив, ни мёртв, думали, прямо так окочурится. Завернули мы всю партию его негодной крупы, пусть своим её такую торгует.

«Начало расквартирования русских оказалось неблагополучным, — писал Ришелье (тому самому, Дюку) уполномоченный французского правительства при русском оккупационном корпусе маркиз Бросар. — Сбылось то, что я, к сожалению, предвидел. В округе Авена царит неопиcуемый беспорядок. Он не меньше в округе Камбрэ».

Действительно, бесчинства военных участились. На насилие и жестокое обращение солдат с жителями жаловались мэры городка Монтины и сел Сен-Мартен, Вандежен и Сен-

Супле. А из Живе и Шарлемона сообщили префекту города Камбрэ о том, что прибытие русских «еще усугубило страдание жителей; многие из них покинули свои дома и можно ожидать массового бегства населения».

- Однако судить провинившихся военных гражданским местным судом наш главнокомандующий запретил. Настаивает на собственном судопроизводстве со всемисоблюдением законности.

- То, что в отношении нижних чинов М. С. Воронцов продолжает следовать прежним правилам — не позволяет офицерам унижать их человеческое достоинство, запрещает наказывать палками во время учения, бить их по офицерскому произволу рождает кое у кого подозрение, что своими требованиями он подрывает в корпусе дисциплину. Арский Андреевич Закревский, не раз пенял ему по-дружески: «Не давайте потачки людям и держите весь корпус в субординации, дабы можно было, когда надобности в нем не будет, привести домой. И ежели вы своим мастерством, нам известным, сие исполните, то слава ваша будет вечная».

- А с солдатами, от безделья мающимися, советует более плотно заняться и строевой подготовкой, и стрельбами, и азбукой, и арифметикой. Авось, да поможет им в жизни мирной.

25 лет служить рекрутам, да здоровым, а сколько инвалидов осталось после военной кампании? Те, кто в стлах служить в инвалидной команде, продолжали служить до выслу-

ги на простых работах, без военной и строевой подготовки - сторожами, денщиками, в обозе. Но были калеки, к службе более вовсе не способные - их комиссовали специальными военными врачебными комиссиями.

Им и их семьям положены вольные: за государственный счёт уплатит казна стоимость владельцу самого солдата, его жены и детушек, а там - гуляй, вольный человек! Хочешь - за Урал или в Сибирь езжай, своё хозяйство поднимай, хочешь - торговое дело начинай или караваны охраняй, кустарём быть незазорно: кожевником, сапожником, сласарить по металлу, резать по дереву, бондарем, собрать артель бурлаков, коробейником, трактирщиком, лавочником, да кем угодно... Знать грамоту и счёт всегда к месту.

И это если солдатик никак себя особо не проявил. А были такие, кто не то что в унтеры - в офицеры пробился, даже с дворянством личным, а то и потомственным.

Глава 3 Два крыла у прощения

Ох, нехорошо стоял провинившийся Анфим перед хозяйскою, нагло. оть и снял шапку, которую теперь нервно мял в руках, и разулся внизу, не топал грязными сапожищами по чистым полам, по которым дети ползают и которые Марфа с Анисьей натирают песком для гладкости. Потупил нечесаную голову, зыркает хитро и недобро из-под занавесивших глаза косм.

- Скажи-ка мне, Анфимка, здоровы ли лошадки мои? - нежный голос хозяйки можно на хлеб вместо мёду намазывать. Да только чувствуется в том мёде едкая острота перца.

- По здорову, матушка- барыня. Что им сделается? Чищу я их исправно, корму получают вдоволь, в прошлом месяце перековал Савраску, а не то охромел бы, - кучер явно растерялся, и за словесным мусором явно пытался спрятать эту свою растерянность. Он ожидал от хозяйки криков или строгого выговора, а получил улыбку и спокойные расспросы о вверенных ему животных.

- Что о скотине моей заботишься, за то спасибо тебе, Анфим, а почто девку мою горничную бабой слелал? Или хочешь сказать, что не знаешь, что и по божеским и по государственным законам изнасилование женщин, безразлично возрастов и положения считается самым бесчестнейшим преступлением?

- Прости меня, барыня, бес попутал, - Анфим, оживившийся было, опять занавесился своей кудлатой шевелюрой. Было понятно, что ему ой как хочется откреститься от происшествия. Да не получится - никто иной, как хозяин, собственноручно его застукал на месте преступления.

Буквально застукал - шайкою банной, увесистой, да прям по хребтине.

- Ты же, Анфим, не хуже меня знаешь, что изнасилованная девушка ничего не теряет, выходя замуж, зато насильник делается общим посмешищем: его народ сторонится, не каждая девушка решится выйти за него замуж, будь он даже богат. Но всё покрывает епитрахилью поп, что священным союзом соединяет мужчину и женщину. Возьмешь ли в жёны мою Анисью?

- Никак того сделать не можно, сударыня-барыня, она ж в крепости, а я человек вольный. С ней обвенчавшись у вас в крепости стану быть. Да к тому ж обещался я в родной деревне честной вдове.

- Вдове, ты значит, обещался, а мне урон наносишь?!

Анисья - моя собственность, и то оскорбление честности девичьей, что ты ей нанёс, ты, холоп, нанёс мне, её владелице. Как знаешь!

В моей власти на тебя в полицию донести. А в статье 1525 Уложения о наказаниях Российской Империи уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.) за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достиг-

шей 14-ти лет, предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы сроком от четырех до восьми лет .

Статья 1526 устанавливала ряд обстоятельств, отягчающих деяние и повышающих на одну степень наказание, предусмотренное ст. 1525: «когда изнасилованная была для сего против воли или обманом уведена или увезена», «когда изнасилование было сопровождается побоями или иными истязаниями», «когда жизнь изнасилованной была угрожаема или подвергалась опасности».

Сам понимаешь, Анфим, что за обе статьи ты лет на пять на каторгу отправишься. Куда-нибудь под Читу или Нерчинск. Коли тебе каторга милее, так тому и быть! Я что могу поделать, коли ты сам себе судьбинушку каторжную выбираешь?

- А откупиться, барыня, нельзя ли? Рублёв 10 я бы смог заплатить Анисье.

Не удержалась! "Уж не ты ли?!"

- Ты, хам, мою сенную девку, личную горничную, оцениваешь в червонец?! Месяц даю на размышление: можешь с ней под венец идти, можешь на каторгу отправиться, а коли хочешь откупиться, так давай у неё и спросим, в какую сумму она свою девичью честь оценивает?

- Простите меня, барыня Мэри Ричардовна, а не хочу с ним под венец идти. Хоть режьте меня, хоть продайте, а не пойду - жестокий он, Анфимка-то, - побледневшая Ани-

ся смотрела твердо, руками инстинктивно живот свой прикрывая - Ему что бабу, что таракана прихлопнуть - всё едино. Коли хочет откупиться так я не против. Я ведь не только вашей сенною девкой была, но и графини Орловой-Чесменской. Я свою цену точно знаю - её батюшка меня за полста рублей покупал. Вот пусть и выплатит те же деньги. Не мне они пойдут, а его ребёнку - и она, заливаясь слезами, низко поклонилась барыне своей.

- Слыхал ли ты, Анфим, условия? Понимаю, что сумма тебе не по карману. Деньгами отдашь червонец а оставшиеся деньги я ей сама заплачу. А ты четыре года будешь работать, кем тебя Михаил Васильевич поставит. Однако, когда Михаил узнал о решении супруги своей, то рассудил по-своему:

- Прости его, Мэрюшка. Прощение — это не одолжение другому, а освобождение для самой себя. Анисья девка пригожая, мы ей и с дитём на руках хорошего мужа сыщем. А Анфима я ни к лошадям, ни к печам допускать более не хочу: коней со злобы попортит, а дом и подпалить с него станет. Может и угару напустить.

Зато отлично он поработает возницей в караванах от Архангельска до Петербурга: и долг отработает быстрее, и от дома нашего будет подальше. Ничего другого Анфиму не оставалось, как воле дворянской подчиниться. Никому неохота идти под суд и на каторгу.

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный

*И рабство, падшее по маню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

АС Пушкин

Увы, но „солнце русской поэзии“ и сам имел рыльце в пушку. От своей наложницы, крепостной Ольги Михайловны Калашниковой, дочери управляющего имениями Михайловское и Болдино, он имел сына Павла, умершего во младенчестве. Связь Пушкина с 15-летней Оленькой началась, вероятно, зимой 1824 года, и продолжалась около полутора лет.

И даже получив от отца в подарок к свадьбе 200 крепостных душ, он не даровал им так воспеваемую им самим свободу, а заложил их, чтобы получить деньги на свадебные торжества. Надо ли говорить, что выкупать обратно из Опекунского совета он их не торопился?

Долгие проводы, лишние слёзы

Ноябрь завывал ледяными ветрами над просторами оккупированных провинций некогда благодатной Франции.

В один из долгих вечеров, когда Марья Яковлевна уже откровенно клевала носом над детским шитьём, за доктором прибежал ординарец. Оказывается, в госпиталь доставили сразу несколько солдат с колотыми ранениями головы, конечностей и грудной клетки.

Подхватившись, Николай Фёдорович, оскальзываясь на обледеневшей дорожке, поспешил в сторону госпиталя, а

Марья Яковлевна, благословив его и перекрестив на дорожку, отправилась спать. Помолясь перед иконами на сон грядущий об Аннушке в дальнем далеке у Бога за пазухой, о всех страждущих и трудящихся, о голодающих и замерзающих, она улеглась под толстое пуховое одеяло и уснула.

Её супруг сокрушённо разглядывал тела пострадавших. Нееет, это не штыки, тут поработали вилы, не иначе: редкие, неровные рваные раны явно сужались и сильно кровили, несмотря на повязки, умело наложенные ими самими друг дружке. Вот игодились уроки оказания первой медицинской помощи, которые всем желающим (и нежелающим тоже) в обязательном порядке проводили санитары под руководством хирургов. Слава Господу, лишней грязи в раны не попало, кроме той, что была на вилах.

- Готовься, голубчик, придётся тебе потерпеть, - лицо мальчишки лет 17-ти, покрытое мелкими капельками пота от болевого шока, было бледно. - Пока я промою твою рану, ты мне расскадешь, что стряслось, не так ли?

Пока мальчишка-дворянин с унтер-офицерскими погонями, запинаясь и всхлипывая, рассказывал, как напоролся сам и подаёл товарищей, раны были промыты крепким вином, положен дренаж и проколы зашиты вымоченным в спирте шёлком. Оказалось, что унтер с подчинёнными привез на мельницу десятков мешков зерна для помола - матушка прислала гостинец - однако мельник с помощниками отказался отдавать смолотую пшеничную муку вместе с отрубями, хо-

тя ему за помол было заплачено.

Вместо того, пользуясь сумерками, напал на обозников вместе с подручными и те буквально изрешетили русских вилами. Одному выбили глаз, второй получил ранение в брюхо, он сам и ординарец его, дядька Прохор, отбиваясь палашами в ножнах (вытащить не успели да и побоялись гнева Михаила Семёновича), получили несколько ударов в руки и голени. К утру всё было кончено, рядовой Сидоренко с ранением брюшной полости и развороченной печенью, получив от полкового священника последнее причастие, тихо отошёл, без мучений, усыплённый опиумом.

Остальные раненые, получив помощь, уже спали, не ведая пока об участи друга. Уставший доктор писал докладную записку на имя главнокомандующего и не ведал, что в Рокруа, в окрестностях которого и произошёл сей дрсадный инцидент ещё вспомнят и мельника, и унтер-офицера Воронкова.

Дело о нападении дошло до суда. Но французские судьи были явно пристрастны в решениях, всякий раз выгораживая своих соотечественников. Мельника и его слугу тяжело ранивших вилами нескольких русских, вообще не наказали. Дело было прекращено якобы из-за недостатка улик. Тогда часть, потепявшая запевалу, весельчака и заводилу Прохора Сидоренко, просто кулаками объяснила мельнику и его защитникам, насколько те не правы. Вспыхнула драка и мельница.

От мельницы мало что осталось - дымилась она долго, по-

хищенная мука неведомым образом вместе с отрубями оказалась на интендантском складе. Увы, этим дело не закончилось: некий бывший гражданин Рокруа нанес три удара саблей русскому солдату и был оправдан судом присяжных, там же избившего двух русских офицеров, приговорили... к одному дню заключения и к штрафу в один франк.

Разгневанный Воронцов отправил в Рокруа 150 солдат - на постой. Кормить, поить и веселить русских постояльцев предстояло всю зиму упрямым и несговорчивым жителям Рокруа. И всё же русские не оставляли своей заботой самых бедных: вдов и сирот французских. Оставленные более богатыми и удачливыми соотечественниками, многие уже к ноябрю были на грани голодной смерти и солдаты, отрывая от собственного рациона, подкармливали сирот.

Офицерские дамы организовывали подписки и кухни по примеру госпожи Арендт: много ли надо несчастным, непривычным к таким суровым морозным зимам европейцам: миска горячих щей с брюквой или репой, ломоть хлеба - глядишь, и заблестели глаза, зарумянились бледные детские щёки.

Всё чаще стали приходить обозы из России - рассказы побывавших здесь дам возымели невероятное действие: жалость к побеждённым всегда была и будет жить в русском сердце. Мука, крупы, зерно, мясо солёное и мороженое, тёплая одежда из самых простых материалов: льна, шерсти, войлока. И письма!

Придёт время и подсчитают, что за три года оккупации более 20 тысяч писем пересекли границу в одном направлении - на Родину! По приказу Михаила Семёновича Воронцова вся пересылка солдатских писем осуществлялась на средства корпуса. Кроме того, существовал строгий контроль за тем, чтобы в канцеляриях дивизий и полков не терялись письма, которые приходили солдатам от их родных из России.

Всё это благодаря его работе по просвящению солдат и неустанным трудам русских офицеров. Но ничто не даёт более сил, как смех и движение.

Как только установились морозы и воды Самбры сковал лёд, русские солдаты, офицеры и дамы с удовольствием катались по ней на коньках. Для ребятишек русские бойцы, пряча в усах и бородах улыбки и скупые слёзы умиления, изготавливали санки. С каким же удовольствием прогуливалась по набережной Марья Яковлевна. Ей и самой так хотелось лететь по заедающему льду или в вихре снежинок скользить по склону местных холмов.

Всё ещё будет! А пока надобно побережься.

Глава 4 Приходи на меня посмотреть

Мисс Мэри Беннет была до глубины души удивлена трансформацией, произошедшей с их бывшей горничной.

Это ж надо, так спокойно, с глубоким чувством собственного достоинства, говорить с княжной Волконской. Не трепетать не волноваться, спокойно и даже чуть насмешливо указать той на её ошибки.

Княжна в величии своём привыкла к раболепству ближних дам, привыкла не замечать трудов и стараний окружающих её людей и слуг, не уделять ни малейшего внимания, чего им стоит окружать её привычным комфортом и удобством. Если она хочет вышивать - то все нитки всегда вде-ты в иголки, канва натянута на пяльцы, узор намечен и даже сама вышивка уже начата. Если хочет проехать верхом, то сто-ит ей приказать - и ухоженная лошадь уже бьёт копытом у крыльца, и девица, выбранная в сопровождающие, с радост-ной улыбкой, в удобной аиазонке уже ждёт её на чуть менее красивой и куда менее резвой лошадке.

И только с батюшкой отношения у них странные: нелю-димый, холодный, немногословный и строгий, он мог окру-жить дочь невероятной теплотой и нежностью. Но, увы, да-же не попытался этого сделать. Дочь трепетала перед отцом:

его холодность и строгость делали её застенчивой и робкой, его откровенное неприятие некрасивости дочки сделали её ранимой и застенчивой.

Странное сочетание, не правда ли? Практически невероятное, но оттого ещё более удивительное. Ибо таковой она была только среди равных по званию и положению в обществе. Для людей низкого звания она была властной, бескомпромиссной и холодной. Истинной дочерью своего отца!

Вскоре Мэри поняла, что юная княжна явно робеет перед любым сильным и уверенным в себе характером, а ведь точно так же многие дамы и кавалеры в родном Лонгборне отступали перед язвительностью и насмешками Элизабет. Если это сработало в Англии, то почему бы не сработало в заснеженной России? Здесь она, Мэри, смущавшаяся насмешливого отца, робевшая перед красотой Джейн и тонким юмором Лиззи, может попробовать проявить себя. Удивительно, Но у неё это отлично получилось! Здесь насмешливо приподнятая бровь, там едкая двусмысленная фраза - и вот уже на неё посматривают со значением, с уважением, с её мнением считаются.

Совсем скоро княжна Марья Николаевна во всём полагалась на свою английскую компаньонку-камеристку: какой фасон выбрать для нового платья, какому цвету отдать предпочтение, ноты какого композитора будут лежать на фортепиано ближайшим вечером. Мелко? Кому как.

Для мисс Мэри это был огромный опыт в осознании соб-

ственной силы и способностей влиять на окружающих людей. Будучи сама столь же сильно в детстве подавлена яркой харизмой отца и сестёр, зная все свои болевые точки, она точно знала, какие слова и действия, насмешливый или ехидный взгляд, способны влиять на подавляемую личность. И с удовольствием стала применять на практике свой собственный жизненный опыт.

Даже батюшка Марии Николаевны, князь Николай Сергеевич, 64-хлетний "Прусский король", теперь относился к юной английской компаньонке собственной дочери с невероятным уважением и тактом. Он, сам обладающий сильной волей и стальным характером, почувствовал в этой стройной и хрупкой девушке ту же силу воли, то же стремление властвовать над окружающими, присущее ему самому.

Надо ли говорить, что это невероятная власть над столь знатной леди и её папенькой едва не вскружила Мэри голову? Но выучка Лонгборна не дала сделать роковой ошибки - она чётко соблюдала грань, за которую не следовало переходить. Памятуя историю родной Англии, она помнила, как легко потеряла леди Сара Черчилль своё влияние на давнишнюю подругу королевы Анну и повторять ошибку герцогини Мальборо не собиралась. Ибо и за ней следили зоркие глаза прочих иностранок и Николая Сергеевича.

И тем удивительнее для неё было мироощущение, как оказалось, уже дворянки, Мэри Шиллингворт-Лариной. Девушка, которая еще 5 лет назад молча незаметно натирала

деревянные стенные панели Лонгборна, чистила камин и выносила ночные вазы, сегодня смела говорить с княжной с невероятной силой собственного достоинства, осознанием своей правоты, вежливо, но при этом твёрдо обозначив границы, переступить которые она не позволит никому.

Немыслимо для Англии!

И дело не только в ловкости и мастерстве её пальцев, создающих нежные украшения. Ещё больше сил ей даёт любовь, которой окружает её супруг: забота, поддержка, опора и надёжная защита. Та самая несокрушимая каменная стена, о которой мечтает каждая девица. О такой любви, о таком преклонении, доверии и согласии в браке ей и её хозяйке остаётся только мечтать.

А почему бы и не помечтать - вон сколько родственников сужского пола у княжны: глаза разбегаются.

И остаётся только взмах крыла

Долгой, ох, какой же долгой была для Марьи Яковлевны зима 1816-17 годов.

В благословенной, по мнению некоторых, Франции стояли совершенно русские морозы. Помягче зима, чем привыкли мужики на Тамбовщине, Орловщине и Поволжье, а с Оренбургской губернией или Башкирией так и сравнивать - язык не повернётся. Там, бают, морозы такие случаются, что птицы на лету замерзают. В мае! Называется "Бешкунак" - ну истинно бешеная погодка. В декабре морозы рвут кору на деревьях, в январе оттепели по паре недель такие, что в

снегу ручьи журчат, а в феврале бураны по крыши дома снегом заносят. Бывает, что хозяйка, выйдя в своем дворе, до коровника дойти не может - не видно не зги, пальцев протянутой руки не разглядеть в белой круговерти.

Так что вполне привычный всем русским людям легкий морозец, когда в искристом воздухе клубится пар от дыхания, поскрипывает снег под валенком, вызывал в душе искренне детский восторг.

И отчаяние местных жителей: кто знает, выживет ли виноград под снежной шубой, переживут ли фруктовые деревья летние заморозки или погибнут безвозвратно? Не привыкли здешние жители к короткому сырому лету и долгой зимней стуже. Ни дома их не приспособлены, ни агротехника посевных культур. Им и невдомёк, что снег - теплое пуховое покрывало, землю защищающее от вымораживания и промерзания.

У казарм солдатских снег счищен до самой брусчатки и мёрзлой земли, чтобы в строевой подготовке упражняться. Кто-то поодаль соорудил снеговика: то ли местной детворе на забаву, то ли сеье самим на радость. А на улочках и дорожках в сугробах протоптаны тропинки, такие же кривые, как в любом русском городе сразу после снегопада.

Машенька с тоской смотрела из окна на это белое великолепие. Эх, сейчас бы на санках, да с горы с ребятишками скатиться, или в снежки сразиться, или по льду звонком на коньках... А ты, как каракатица, едва ноги передвигаешь,

обуви иной, кроме валенок обуть не в силах. И ноги отекли, став похожими на тумбы, и из-за огромного живота до ступней просто не дотянуться.

Сидишь дома сиднем, только иногда выходишь пройтись, но боязно - от множества ног, от ярких солнечных лучей неровный снежный наст подтаял и стал скользким. Сколько человек уже, размахивая руками, валились кто набок, кто на спину. Пока обошлось без серьёзных травм: спасал рыхлый снег.

Николай свою Машу едва не на руках носил: строго-на-строго запретил есть солёное и острое, велел убрать все ковры с лестниц и полов в комнатах. В постели хозяйки, с конца декабря почти не покидавшей своей комнаты, регулярно менялись быстро остывающие фарфоровые грелки с горячей водой - каминов и печей на втором этаже не было отродясь с момента постройки дома. Выходить к гостям Марья Яковлевна категорически отказывалась - обилие кашляющих, сморкающихся и гундосящих просителей резко возросло в декабре и не все из них знали, зачем люди придумали мыло.

До того активно помогающая в делах благотворительности, она едва не оскорбилась публично в один из дней, наблюдая, как кухарка наполняет похлёбкой миску женщины с ребёнком лет трёх. Пока мать ждала в очереди и забирала посудину, тот деловито выискивал на себе вшей, давил их и отправлял...(ел их, одним словом).

Подавляя рвотные позывы, Маша предложила женщине сводить ребенка в баню, тем более, что была суббота и всё русское население или уже попарилось или одидало своей очереди. В ответ от возмущённой и разгневанной дамы женщины оборванки она услышала, что насекомые - это дар божий, показывающий благодать божьего избранника, а бани ваши, вертепы проклятых захватчиков - вертепы содомии и разврата.

- Отдать Симона на потеху казакам, мадам?! Они растлят моего сынишку, забьют его розгами или бросят его в кипяток. У вас нет сердца, мадам. Пусть мы голодны и нас убивает холод, но мы верные католики! - Подхватив свой котелок и вцепившись худой рукой в ручку мальчика, она как могла быстро поковыляла прочь.

Больше к страждущим Марья Яковлевна Арендт не выходила. Она много читала, переписка с управляющим её имениями стала более упорядоченной и регулярной. Дома всё шло своим чередом: посеянные озимые вовремя присыпал первый снег. По осени, пока мужики молотили рожь и пшеницу, бабы намяли и начесали довольно льна, который сейчас прядут. Шерсть овечью летом состриженную, на совесть промыли, вычесали и на фабрику суконную с великой выгодой продали. Приезжие прасолы купили три воза битой птицы, да всё зарились на пшеничку, но как барыня и велела, их попросили приехать в феврале-марте, когда цены выше, а зерна на продажу меньше или сразу муку покупать. Мука

их на всю округу славится, козьмодемьянские булочки за нею регулярно подводы шлют.

Запахнув теплую душегрею, Машенька устроила ноги на жаровне поудобнее и открыла томик Вальтера Скотта, его роман "Пуритане" совсем недавно увидел свет. Какие невероятные приключения переживали его герои, какие страсти бушевали на страницах романов, мудественные шотландцы, достокие ииковарные англичане и чистые пламенные сердца юношей и девиц. За окном постепенно смеркается, снова начинается снегопад. Дениз у кухонной печи готовит горячий ужин и уже повесила греться здоровенные медеые утюги для постелей.

Сырость проникает во все углы, и Маша с горечью вспоминает сухой жар кирпичей русской печи, недоступной в этой далекой и сырой стране. В доме тихо и спокойно, и слышно, как потрескивает фитилёк свечи и шуршат по стеклу крохотные снежинки.

Время тянется слишком слишком медленно, для тех, кто ждёт,

Слишком медленно - для тех, кто боится,

Долго тянется для тех, кто в печали,

Мигом кажется для тех, кто веселится,

А для любящих сердец

Время - Вечность...

Генри Ван Дайк.

И потому грохот и звон от влетевшего в оконный пере-

плёт булыжника, неожиданный и оглушительный буквально обрушился на задремавшую над книгой Марью Яковлевну.

Резкий ледяной ветер, осколки стекла на полу, порывы ветра и снег, влетающий в разбитую раму - всё это оказалось мелочью перед ослепляющей болью, что охватил тело огненным обручем. Прибежавшая на шум Дениз перепуганным сусликом застыла в дверях, прижав ко рту руки.

- Дениз, заткни дыру подушкой и занавесь окно - больше мы сейчас сделать не сможем, - Маша кусала губы и буквально обливалась потом, сдерживая животный крик боли, - я вижу, что за окном буря, но ты должна бежать к господину и рассказать, что случилось. Попроси его поторопиться. Беги, Дениз, беги, - и, больше не сдерживаясь, закричала.

"Какое всё же счастье, что у меня уже есть моя Аннушка" - это была последняя внятная мысль, посетившая её голову, а дальше оставались только боль, участившиеся схватки, попытки ходить и спинка кресла, на которую опиралась измученная женщина. Свободный капот не стеснял тело, волосы, заплетенные в косу, скоро взмокли от пота. Маша читала "Отче наш" и "Богородица, дева радуйся" и понимала, что всё идёт слишком быстро, слишком неправильно. Собрав остатки сил, она сопротивлялась родам, дожидаясь помощи. И, не дождавшись, забралась на постель.

Теплый влажный комочек выскользнул из её лона на простыни и не закричал - его горлышко туго обвивала пуповина. Дикий, животный крик вырвался из горла измученной

женщины и замер под темным плотным пологом кровати. Непослушными ледяными пальцами Маша пыталась ослабить петли, но скользкая плоть не поддавалась, как мокрый брусок мыла в ушате. Мир плыл вокруг, предметы двоились, где-то далеко-далеко раздавались крики, хлопали двери, но мать, обнявшая холодеющее тело своего крохотного мертвого сына, не слышала более ничего.

На простынях медленно расплзлось багровое пятно.

Ниточка за иголочкой?

Больше ста лет стоит на стрелке Васильевского острова дом.

Когда-то по этим наборным паркетам из лакового дерева бегали девять ребятишек губернатора Москвы, первого коменданта Санкт-Петербурга в 1716 - 17 годах. В те годы, за пререкания с Сенатом он лишился многих домов и земель. Отошёл в казну и просторный величественный особняк, а в 1730-м, по повелению государыни-императрицы Анна Иоанновны, въехали в него господа из Таможенной стражи. Уж больно удобно стоял дом - рядом торговый порт, далеко служилым людям бегать не придётся.

Вот в этом самом доме и получил Михаил Васильевич Ларин своё первое присутственное место. Высокие потоки с лепниной, множество окон, просторные комнаты - всё это было хорошо для жизни семейной, но совершенно не подходило для места присутственного.

"В комнатах с грязным полом и покрытыми паутиной

стенами около столов изломанных, изрезанных и замаранных чернилами сидели неопрятно одетые, а инде в рубищах чиновники и писаря на изломанных же, веревками связанных стульях и скамейках, где вместо подушек употреблялись журнальные книги. <...>

Под столом и везде на полу валялись кипы бумаг в пыли и беспорядке, а между ними дрова с водой...

Для архива, столь необходимого страже таможенной, вообще место было отведено в помещении подвальном. Сколько раз наводнения губили бумажные завалы там хранящиеся и не передать словами. Крысы с мышами тоже вносили свою лепту. Но больше всего старый архивариус боялся пожаров ибо если загорится здесь, то быть беде. Заполыхает старый деревянный особняк смотрящий на три стороны стрелки Васильевского острова - не потушить.

Одно радовало Мишку Ларина - редко ему удавалось посидеть в своём кабинете, разве что только к вечеру добирался он до скрипучего стула и щелястого стола, написать отчёт о работе, проделанной за день. Много грузов проходят через торговый порт Петербургский немало товаров ввозится, ещё более - вывозится, есть грузы транзитные - с них особый спрос и маркировка другая. Многое понимает в своей службе Михаил Васильевич, одно ему невдомёк: от чего начальство выводов не делает о характере тех грузов? Вот его Машенька сразу смекнула что к чему.

- За импорт взимаются налоги, пошлины и сборы, за экс-

порт - только таможенная пошлина, а транзитные никакими сборами не облагаются, да ещё и нуждаются в таможенном контроле или особо ценный - контролёре. При условии предоставления возвратного залога ни пошлины, ни акцизы, ни налоги не уплачиваются. Так ли, Мишенька я запомнила?

- Так, ангел мой!

- Если товар в пути утрачен или повреждён страна-транзитер уплачивает страховую стоимость, верно?

- Верно, душа моя, - Михаил Васильевич уже всю веселился.

- Так это же дно золотое для махинации и обмана!

- И для взяток, сердце моё ненаглядное. Уж сколько раз мне мзду предлагали - и не перечсть! Иванченко, вон, уже и сельцо себе купил с полусотней душ, а мы с тобой всё в съёмном доме обитаем, всего с парочкой подаренных служанок. Не хотелось бы тебе помещицей стать?

- А то мне забот мало? В сельском хозяйстве от меня толку не станется: удои, покосы, сев, жатва и молотьба - всё мимо. Вот в тканях я разбираться научилась, в кружевах толк знаю, теперь вот и в перлах, благодаря Татьяне, научилась разбираться, а другого мне и не надобно.

- А дети как же? Неужто не хочешь им земельку оставить?

- Одному или одной, как Бог даст, ферма в Англии уже имеется. Сподобимчя, так и на сельцо или деревушку скопим - купим. Но не ценой твоей карьеры и должности, милый мой. Аль ты не думаешь, что за тобой наблюдают по-

пристальней, чем за иными: из служаки простого в личные дворяне, а потом и потомственного получить за четыре года всего - не крутенько ли? Иы мне одно скажи, а что везут транзитом?

- А много везут: ковры, шёлк, изделия ювелирные и специи из Бухары и Ирана, из Афганистана опий, серебро слитками и камни драгоценные - вот с ними проще - их сопровождает инспектор таможенный, из Китая везут чай, мебель, шелка и фарфор - это всё в Европу. А ещё отчего-то масло топлёное коровье - ну просто ящиками здоровеными.

- Ой, дурят вашего брата! Неужто не знаешь, как хрусталь да дорогой фарфор так перевозят? Заливай им дорогую хрупкую посуду - и хоть кидай потом те ящики - ничего им не слелается, ни трещинки не появится!

Михаил с досады аж крякнул. А ведь и правда - никому и в голову не пришло те ящики проверять. Да теперь вот наученный, и проверить пару партий, следующих в итальяйские города и в Бельгию не грех, да и княжества германские отчего-то много таких ящиков отправляют транзитом через Россию в Ширванское княжество, в Иранское ханство, в Бухару и Персию. Вот и посмотрим, что бюргеры в то масло прячут.

Проверил, как же!

Какую дивную посуду обнаружил, сервизы нежнейшие, золотом расписанные, серебро, тончайшее стекло и хрусталь и что было дальше...

Надежды порванная нить

Ворвавшийся в комнату Николай не стал заламывать руки или метаться.

Ты - оператор, хирург, и перед тобой - пациент, нуждающийся в твоих знаниях, твоём опыте и мастерстве. Значит, делай, что должно и будь, что будет. Потом, когда опасность окажется позади, будет время для слёз и горя, поддержки и поисков виновных, а пока - засучи рукава и спасай любимую. Приложив руку к шейке младенца, он не почувствовал ни малейшего биения жизни, а в Маше жизнь ещё теплилась.

- Дениз, свет! Мне нужно много света. Быстро!

Пока служанка металась по дому, собирая все подсвечники, он успел раздеть жену, оставив на ней только ночную рубашку. Положив мёртвого сына ей на грудь он попытался взять её на руки, чтобы перенести на стол, но увы, бессознательное тело безвольно обвисало в руках.

И в этот момент ему на плечо опустилась рука когда-то противника, а нынче друга и соратника барона Пьера Франсуа Перси.

- Хватайся за этот конец одеяла, а я возьмусь тут. Командуй, куда нести!

- В кухню, на стол. Там тепло, есть кипяток и относительно чисто.

Только здесь им удалось тщательно и без помех осмотреть тела женщины и ребёнка. Плацента уже отошла, но её внутренняя поверхность была неоднородной, с крупной каверной.

- Видишь, вот причина кровотечения. Эта часть осталась в матке, удалить её как можно скорее - единственный шанс спасти мадам жизнь, - Пьер был лаконичен и собран, как всегда у операционного стола, - слей мне на руки, а потом служанка поможет тебе.

- Девушка, сейчас нам нужна твоя помощь, плакать будешь потом, сейчас ты должна лержать как можно ровнее воттэти два шандала со свечами. Ты справишься?

- Я постараюсь, мессир, меня зовут Дениз.

Отлично, Дениз, а сейчас нам нужен самый крепкий коньяк.

- К черту коньяк, Пьер, когда есть самогон! Воняет ужасно, зато покрепче вашего арманьяка будет. - ничтоже сумняшеся Николай уже лил отличный самогон из запасов Марьи Яковлевны на руки французского гения хирургии, потом сам подставил руки и приступил к делу.

Спустя полчаса два товарища с окровавленными по самый локоть руками сидели на полу у того самого стола, на котором на угвазданном одеяле спала Маша. Николай, привалившись к плечу Пьера, горько и безутешно плакал, баюкая у груди своего долгожданного сына.

За что, Петька, скажи, за что нам эти му́ки? Столько лет вокруг только боль и кровь, а когда Господь послал нам утешение, то такой малости хватило, чтобы всё разрушить.

- Николя, это случайность, простое стечение обстоятельств. Если бы мадам Мари доносила младенца, то всё мог-

ло бы закончиться точно так же. Пуповина была слишком длинна, вод было во чреве много, судя по отёкшим ногам у мадам Мари начались проблемы с почками.

Может быть то, что произошло, спасло ей жизнь. Вы оба ещё молоды, у вас ещё будут дети. Мадам невероятно сильная женщина и мы успели вовремя.

И ты же знаешь, что наше искусство - это одно, но есть ещё Господь и всё в его воле. Помолись, Николя, за себя, за неё и за вашего сына.

Свидетельство генерального санитарного инспектора французской армии барона П. Перси на имя доктора Н. Арендта от 20 августа 1815 г.

В углу кухни тихонько спала утомлённая др беспамятства Дениз - всё то время, как доктора орудовали в теле мадам Марьй, она стояла, не шелохнувшись и тщательно зажмурив глаза.

Она лишь слышала, как мужчины что-то обсуждали на латыни, звякали ножницы, снова воняло спиртом, господин доктор бегал на второй этаж за шёлком и иголками и снова булькала вонючая жидкость. Онемели руки, но пошевелиться Дениз боялась, пока теплые и липкие пальцы господина Перси не вынули тяжёлых подсвечников из её рук.

- Вы молодец Дениз, вы справились. Мы все справились, и мадам Мари - тоже, а сейчас вам надо отдохнуть. Вас про-водить в вашу комнату?

- А можно, я останусь тут? Тут так тепло, и мадам не про-

тив, что я сплю на кухне. Мадам и вправду жива?

- О, да! И вы можете выпить за её здоровье. Я бы составил вам компанию, Дениз, но чуть попозже. - Пьер Франсуа лишь заметил, откуда выудила бутылку ловкая горничная, отлила в рюмку небольшую порцию, и как уснула на лавке, подложив под щеку скомканное полотенце.

- Ты только посмотри на неё, Николя, спит без задних ног. Любой мужчина её месте, добравшись до бутылки коньяка или ополовинил бы её, или выпил все. А она - толтко крохотную рюмку налила и спит.

- И пусть спит, а нам с тобой нельзя - нужно контролировать состояние больной. Если б не она, Пьер, я бы мог потерять сегодня мою Машеньку. Она по морозу в деревянных сабо бежала, простоволосая, ей только потом солдаты на плечи тулуп накинули.

- Разум женщин куда более рационален, чем у нас, мужчин.

А ваши русские женщины - воистину загадочны. Они могут плакать над сломанным цветком, а могут крепкого мужика поднять на вилы - я сам это видел. И только чудом сам на этих вилах не трепыхался.

- О, Пьер, ты даже не знаешь, на что Машенька способна, - в голосе Николая зазвенела гордость за жену и преклонение, - в 12-м году, когда ваши подходили к Москве, она одна-одинёшенька, переодетая в маскарадный гусарский мундир, пробралась вашими тылами к деревне Остров и убедила

тамошнего командира отбить неприятеля.

Там, в этой деревне, был мавзолей графов Орловых и конезавод её подруги, графини Опловой-Чесменской. И ведь отбили! И рысаков в лес увели. Мне о том Мусин-Пушкин поведал, который Иван из братьев. Он сам при той okazji присутствовал.

Спишь, Петька? Ну спи. А мне нельзя, я Машеньку сторожить должен. И Феденьку моего.

Отец Никодим, полковой священник, наотрез отказался отпевать душу новопреставленного младенца: " Не крещён он был в вере православной, нет у него восприемников, и отпеть его я права не имею. За упокоевание души его чистой и безгрешной лишь вы, родители, можете обращаться к Господу свои молитвы и то лишь келейно, в дому, а не в церкви."

Фёдор Николаевич Арендт был похоронен на французской земле. Многие провожали его в последний путь, многие помнили, сколько добра сделала маленькая хрупкая женщина.

И только самой Маши не было в этот скорбный день у маленькой могилы - сил подняться у неё не было вовсе. Три дня она спала почти беспробудно, сказывалась потеря крови, а когда силы вернулись, то рядом был её Николай. И его волей она почти месяц провела в постели.

Вдвоём мы выстоим против всего... Выстоим ли, Никулушка?

Глава 5 Вор крадется в ночи

Оглядывая сложенные строгими рядами в крепком сарае деревянные ящики с топлёным маслом, приготовленные к отправке в порт Вейсмара, что в герцогстве Мекленбургском, Михаил Ларин чесал в затылке: и как всё это проверить?

- Пахом, давай сюда вот этот ящик, он вроде с трещиной.

Пахом, крепкий мужик лет сорока, поднял указанный ящик, по деревянной стенке которого и вправду змеилась трещина. Деревянный короб был сколочен из тонкой широкой доски - фанеры, углы ящика окованы были тонкой жестиной полосой, так что рассмотреть, что находилось внутри, не было никакой иной возможности, кроме как вскрыть. Досмотру груз не подлежал, как следующий ро империи транзитом.

- Скажем, обнаружили урон, решили проверить. Вот и лодмай стеночку, да остророжнее. Коли там токмо то, что в декларации указано, так и поменяем доску или просто трещину опечатаем, всего делов.

- Да чего уж там, - Пахом чуть стукнул в стенку кулаком и запустил в зазор крепкие пальцы. - Вашбродь, Махаил Васильевич, да тут кожа внутри. Обычно бумаги хватало для масла-то или в бочонки складывали, а тут эвона что.

- Так, Пахом, тащи-ка сей короб на печку. Не просто так

сия диковинная упаковка.

Устроенный на теплой печи короб к утру не дал ни малейшей течи и его было решено вскрывать. Рапорт о происшествии в рамках таможенных действий инспектор таможенной стражи Михаил Васильевич Ларин берёт на себя.

Внутри деревянного короба оказался крепко зашитый кожаный мешок, в котором явно плескалось масло и что-то тяжело побрякивало. Выпустив разогретое масло из мешка в деревянное корыто, Михаил взялся за нож: - Смотри, ребя, покрепче, руку свою к рапорту может понадобится приложить.

- Ух тыыы ж...

Вздых, потрясший каморку охранника при складе, эхом взлетел под потолок. Пахом даже шапку на затылок сдвинул.

- Как же так, ваше благородие, для чего ж это придумано-то? Кто ж серебро-то так перевозить станет?

- А это и не серебро вовсе. Хотя и похоже чертовски.

А вот ещё красоты. В мешке белыми серебряными металлическими рыбками поблёскивали кувшины и чайники.

- Пакфонгом*## его китайцы кличут, белой медью. Немцы давно уж его секрет разгадать пытаются, да пока не выходит. Запрещено его в Европу напрямую из Китая вывозить. Нам его китайцы продают, англичанам, а уж наши-то купчики нажиться не прочь, а тут ишь ты, как хитро придумано.

С рапортом своим отправился Михаил Васильевич к товарищу министра финансов при департаменте внешней тор-

говли, коему подвластна была Коммерц-коллегия и таможня при ней. А попал к министру. Предъявив Фёдору Александровичу Голубцову найденные предметы и предъявив рапорт, стал он участи своей дожидаться.

- Ах ты ж, молодец какой! - сухощавый генерал хлопнул себя по ляжкам и едва не расцеловал ошалевшего Михаила. - Мы тут голову ломаем, как, откуда немцы китайское серебро получают, а тут мне его в мешке приносят, как кота дражного. Знаешь ли голубчик, положения Устава о пресечении транзита контрабандного?

- Точно так, ваше превосходительство! "Пропуск коих товаров через границу был запрещен, а все предметы, задержанные на границе, чтобы обращались в пользу несущих службу, кроме запрещенных к ввозу товаров, которые «должны быть сжигаемы», а перехватившие их должны были получать всякий раз приличное вознаграждение."

- Вот и поделите там всё, что нашли! Десятую долю мне принесешь! - сдвинув на сторону парик он почесал коротко стриженные свои волосы, - нет. Я сам с вами вскрыаать буду! Чертовски интересно, что они там ещё напихали, паразиты.

В карете, направляясь к складу, член Государственного совета глянул на Михаила остро и уже не смешливым, а строгим голосом приступил к серьёзному разговору.

- Кто надоумил тебя, светлая голова, заглянуть в те коробки? Да не тушуйся! Таковой канал контрабанды вскрыть - это ж орден, не иначе. Вижу, "клюква" у тебя уже есть, "ан-

нушку" в петлицу хочешь? Будет тебе "Анна", так кто подсказал, рассказывай!

- Жена, Ваше высокоблагородие, англичанка она у меня, рассказала, что так дорогую посуду возят в Европе, я и проверить решил.

- И молодец! И что проверял не один, и что без лишнего шума ко мне пришёл. Вот сейчас и посмотрим, проверим. Маслице, в документах обозначенное, владелец непременно получит, но без "начинки". Так что тут ему нам предъявить будет нечего, а коли восхочется, так мы ему напомним о штафах и конфискации.

Три дня понадобилось, чтобы распотрошить весь груз. Добычей таможенников кроме изделий из пакфонга стали драгоценные вазы и сервизы, блюда и шкатулки из тончайшего китайского фарфора. Пару сервизов Федор Александрович забрал себе. Самый дорогой, на 36 персон, изящный до невозможности, пообещал передать государю с докладной запиской, а от фальшивого серебра просто отмахнулся - дешёвка. Трое соучастников, почесав бороды, кидали жребий, кому что достанется.

Мэри Ричардовна ахнула, когда из подводы выгрузили позвякивающий мешок с китайского серебра посудой. Вазы, столовые приборы, блюда, подносы, щипчики и лопаточки. Стопочки, кувшины и кастрюльки с жаровнями - это помимо ложек, вилок и ножей. В ящике были уложены в соломе три сервиза чайных и столовых - честная добыча.

- Получай, матушка! Моя доля, честно по жребии выпало. Хочешь - пользуйся, хочешь - продай, или в приданое вон, Генриетте, положи. А только чует моё сердце, не так прост господин тайный советник.

***Пакфонг - известен китайцам с 14 века, величайшая тайна империи - дешёвый аналог серебра, с 1823 года носит название мельхиор: сплав меди и никеля. То, что в СССР выпускало - это не мельхиор, а нейзильбер: медь, никель и цинк.**

Черновик

Когда беспрестанно что-то интересное случается в чужой жизни - это называют приключениями. Когда в твоей собственной - проблемами или несчастьями.

Николай Арендт стоял перед дилеммой, которую и представить себе не мог еще три года назад.

Привычные и приятные посидели по воскресеньям, после богослужения, прекратились: Маша никого не хотела видеть. Видя, как не хватает супругу дружеского неформального общения в тесном кругу единомышленников-масонов, она предложила проводить их собрания приватно, в их гостиной, без дам (и без хозяйки). Она, уж простите покорно, сразу после обеда будет удаляться в кабинет, так что для всех

не посвящённых в тайну собраний, салон мадам Арендт снова принимает узкий круг гостей.

- Итак, господа, проблема, о которой я предложил бы побеседовать сегодня - это несбыточное желание, кое мне по секрету, тайком, высказали многие солдаты рядового и сержантского состава и даже некоторые унтер-офицеры младшего звена: есть ли какая возможность для них остаться во Франции, когда придёт время войскам наши войскам нашим возвращаться в рубежи нашей родины?

- Но это же дезертирство! Даже подумать невозможно, что солдат русский останется на земле иноземной.

Алексей Баранович, будущий генерал, а сейчас лишь 20-летний офицер, тщательно и бережно пестующий свои усики и бакенбарды, гневно вскочил и забегал по комнате.

- Помнится, был случай, "небывалый в войске и в летописях истории русских войск.

Полковника Засядко денщик, довольно смыслённый, вздумал из-под ведомства военного освободиться и жить по-французски, пользоваться свободой, убеждая себя, что в настоящее время он не находится в России, под грозою, а в свободной земле, Франции; и в этом намерении совещался с товарищами, как поступить в этом деле. И не ожидая их ответа, сам начал действовать, и, пришед к полковнику, сказал: «Отпустите меня! Я вам долее не слуга!»—«Как? Ты денщик: должен служить, как тебя воинский устав обязует!»—«Нет, господин полковник, теперь мы не в России, а в

вольной земле, Франции, следовательно, должны ею, свободой, пользоваться, а не принужденностью!»—«Хорошо! На место твое я приищу слугу!»—Об этой случайности полковник Засядко донес генералу Полторацкому, а тот, выслушав, просил объяснить эту случайность рапортом.

Получив оный, генерал Полторацкий тотчас нарядил Судную Комиссию и денщика отдал под военный суд.

Комиссия не замедлила решением его судьбы - обвинила его в дерзком посягательстве сделаться свободным французом и в подговоре своих товарищей к сему в противность воинских законов, и потому мнением своим положила: его, денщика, прогнать через 500 человек один раз шпицрутенами, что было исполнено в виду французов, дивившихся нашей дисциплинарии. И этим улучшилась субординация."©##

- И спорить не посмею,- Николай Федорович сжал зубами янтарный чубук трубки так, что тот едва не треснул,- субординация улучшилась, а брожение в умах никуда не исчезло. 500 ударов шпицрутенами любому вольнодумцу отобьют желание самовольничать, но вот отобьет ли экзекуция желание жить вольно? Сомневаюсь. Шкура зарастёт! А кабак - вот он, и кабатчица при нём, свежа да румяна, и вдова к тому же. А что его ждёт на родине, когда он вернётся, - та же доля крепостная да самодурство хозяина?

А он, красавец, и Лейпциг видел, и Дрезден, по парижским улочкам гулял.

- Но у него же дома и жена, и ребятишки, и хозяйство.

- Да не смешно ли, вам, господа, о том упоминать. Уж скоро 20 лет как ведёт Россия бесконечные войны: то шведы, то французы, вот и турки никак не угомонятся, и на Кавказе замерения нету. А если и вернётся он к родному дому, то и детишки выросли, супруга состарилась, а то и вовсе померла.

Придумал я каверзу, господа, но в начале хотел бы представить её на ваше судилище. Нижние чины, кои мечтают остаться во Франции навечно, ложатся в госпиталь, якобы с хворобою, лежат там кое-то время, а потом и помирают. Репорт об умерших я подписываю с дежурным офицером али медиком. А наш "крестничек" спокойно утекает куда ему сподобится.

«Когда же мы прибыли на границу России, то слышали, что из всего войска остались во Франции до сорока тысяч нижних чинов, о возврате которых Государь Александр и просил короля Людовика XVIII. Но король не в состоянии был исполнить государеву просьбу за утайкою французами беглецов, и потому ни один не возвратился».

319 человек дезертировали - другая, официальная цифра. Ей, увы, тоже мало веры, ибо в воспоминаниях жителей северной Франции, их именах и фамилиях ярко просматривается русский след. Бак что давайте остановимся на цифре в 20 тысяч - огромная цифра доя оскудевшей на мужской пол Франции.

В те же времена писал генерал Фёдор Васильевич Ростоп-

чин письма жене о французском походе: «Суди сама, до какого падения дошла наша армия, если старик унтер-офицер и простой солдат остаются во Франции, а из конно-гвардейского полка в одну ночь дезертировали 60 человек с оружием и лошадьми. Они уходят к фермерам, которые не только хорошо платят, но еще отдают за них своих дочерей».

- Люди устали. И в ваших слова, Николай Фёдорович, много горькой истины. Но сможете ли вы организовать такую воистину воинскую операцию без ущерба для себя?

- А там, как Бог даст! Супруга моя, Марья Яковлевна, одобрила сию операцию, и, коли что случится, и в Сибирь со мной идти обещалась.

В молчании, окутавшем гостиную, яснее стал слышен женский голос: "Поехал казак на чужбину далёко

На верном коне он в своём, вороном.

Свою он Украину навеки покинул,

Ему не вернуться в отеческий дом!

Напрасно казачка его молодая

И утро и вечер на север глядит,

Всё ждет да пождет, из полночного края

К ней милый когда прилетит.

Далёко, откуда к нам веют метели,

Где страшно морозы трещат,

Где сдвинулись дружно и сосны и ели,

Казачьих кости лежат.

Казак и просил, и молил, умирая,

Насыпать курган в головах:

"Пускай на кургане калина родная

Красуется в ярких плодах.

Пусть вольные птицы, садясь на калине,

Порой прощепечут и мне,

Мне, бедному, весть на холодной чужбине

О милой, родной стороне!"

Север Франции на границе с Бельгией, где оказался расквартирован на три года русский оккупационный корпус - основной сельскохозяйственный регион страны. Командование разрешало русским солдатам помогать местному населению со вспашкой земли и уборкой урожая. Подавляющее большинство русских солдат и унтер-офицеров были деревенскими жителями, привычными к сельскому труду, к земле. Как сильно истосковались они по работе на земле...

Увы, французский король оказался не в состоянии исполнить просьбу российского императора: сами французы, уже породнившиеся с русскими дезертирами, помогали последним скрываться. Беглецы же, наученные горьким и полностью бесперспективным для них опытом службы в армии, государству не доверяли и надеялись только на себя. Понятно, что они не видели никакого смысла менять мирную и зажиточную семейную жизнь во Франции на возвращение к муштре и военным походам...

Глава 6 Кто был охотник, кто - добыча?

Вот уж месяц миновал, как случилось дело с китайским серебром.

Получил Михаил устную благодарность от руководства: перед всем строем на смотре секунд-майор Галицкий похвалил рвение и находчивость рьяного молодого унтер-офицера, руку ему пожал. Рассказал ещё не слышавшим о сути дела кратко и напомнил о вознаграждении за наблюдательность.

О, как! А благодарность к карману не пришьёшь и в тарелку не положишь... Ну, да и то хлеб. Товарищи только посмеивались, да по плечам Михаила Васильевича после смотра хлопали - поздравляли. Спрашивали, когда и как обзавёлся он глазами соколиными, что дерево и кожу насквозь видят. Когда на обеде званом Михаил Васильевич добычей похвастается? Кто весело посмеивался, кто с завистью посматривал на "клюкву" анненскую.

И вот когда уж и ждать, и надеяться на милость генеральскую Фёдора Александровича Голубцова унтер-офицер Ларин перестал, вызвал его пред очи свои господин майор Ефим Галицкий.

- Ну что, голубчик, думал, забыли про тебя? Ан нет, не так всё просто оказалось! Получателем груза твоего непро-

стой купчишка-колбасник оказался, курфюрст Саксен-Кобург-Готский, и очень он оказался недоволен тем, что исчез груз тайный из груза явного. Ну, да государь наш только посмеяться изволили над письмом его с претензиями.

Поинтересовался Александр Павлович шустрым фельдфебелем, вспомнил случай с послом и его горящей супругою, да велел произвести тебя сразу в прапорщики - не дело кавалеру двух анненских орденов в унтер-офицерах пропадать.

- Как же, двух-то, ваше высокоблагородие? Одна у меня "Анна".

- Была одна, а теперь - две!

- И приколот оторопевшему Ларину на грудь справа крест на ленте шириной в полвершка, - носи с гордостью, заслужил, господин прапорщик! И вручил черные с серебряным галуном эполеты.

Михаил и дышать как от растерянности позабыл, слезы на глазах выступили. Батюшка в досмотровой команде 30 лет проходил - и всё в рядовых. Нееет, не спроста он тогда жемчуга перед Марьей своей рассыпал. То оружие, что она в его руку вложила - открыло ему дорогу к высшим чинам.

Но не одно только это происшествие осветило мартовское игривое солнышко в доме Лариных. Стоило войти Михаилу в гостиную, как весело и резво топочущий Жорка, держась за мамины пальцы, потопал к отцу, радостно улыбаясь. "Па-паа" - нежное, распевное, по-детски округлое. Что мо-

жет быть слаще первых слов твоего сына?

Тепло в доме, уютно, вкусно пахнет накрываемым на стол обедом. И пусть блюда на столе постные, то с грибочками, то с рыбкой, приправлены они травками духмяными, перчиком, мятой и любовью. Белые с голубым узорные изразцы печей долго держат тепло, к ним так приятно приложить руки, озябшие на сыром стылом ветру. А Мэри сделала всё, чтобы маленький Джордж ни в коем случае не обжёгся о печку.

Она ещё помнила, как батюшка плёл корзинку без дна для её братишек и сестреночек. Оденут такую конструкцию, напоминающую юбку великосветских красавиц шестнадцатого века, на ребёнка - и тот шустро по дому и двору ковыляет. И сам в безопасности от горящего камина, и матери свободы больше - нет нужды постоянно поддерживать учащегося ходить ребёнка.

Она от той заботы избавлена, у неё есть Марфа, что с барчука глаз не сводит, а всё одно боязно: большие в дому печи, горячи по холодному времени, как бы не повредил себе малыш. В детской, где больше всего проводил времени маленький Джорджи, вокруг печи установили невысокую ширму-ограду.

- Ох ты ж мне, Гошка! - радостный отец подкинул хохочащего малыша под потолок, - порадовал папку, дв и я не без подарка. Смотри, что у меня есть. Малыш, ухватившись пальчиками за шершавую серебряную канитель эполета, радостно потянул её в рот. - Неет, шалишь, такое сусо-

лить нельзя.

Прапорщик я теперь, Мэрюшка моя, обер-офицер. Бывает же такое!

Х-й класс мужа в Табели о рангах - это вам не баран на-чихал. Денежное содержание супруга значительно увеличилось, так что сумма, которую госпожа Ларина регулярно пополняла на счётах в Английском банке, неуклонно росла.

И всё чаще приходило в голову женщине, что стоило бы прикупить землицы. Какие бы времена не наступили - своя земля всегда прокормит, да вот только не продавали в России зеилу без людей, на ней живущих.

Родители писали Михаилу: "Емца-река вскрылась 27 апреля, поздновато почти на две недели от обычного, стала осенью 6 ноября. Весна сырая, ветреная, но сев хороший. Лето жаркое с громовыми тучами, всходы хорошие и хлеба уродилось порядочно; страда вначале приятная, потом дождливая и сырая. Осень выдалась холодная, ветреная: рыжиков, ягод много. Насушили, наморозили, тебе с первым обозом и припаса, и рыбки отправили. Зима студеная, снегу мало.*

Как поверье величает - студёное позимье - летом многие жары. Посмотрим, так ли. Дома все здоровы и тебе и супруге твоей поздорову быть.

А Таньке вели приданое готовить. Коли не найдёт себе суженого в этом годе, так мы сами спворим. Есть у нас на примете рыбак знатный.

Кланяемся вам, Ларины"

Простые люди, и заботы у них простые: чтобы река ото льда вовремя очистилась, чтобы весна была дружной, лето тёплым, а осень не слишком дождливой и сырой. Хороший урожай и сенокос гарантировал сытую зиму и небольшой доход с продажи излишков. Щедрая рыбалка - тёплые одёжки детям и небольшой запас живых денег, богатый сбор даров леса - вкусные разносолы.

Примерно так жили и её родители, так бы провела она сама свою жизнь, если б вышла замуж за Сэмми. Но резкий поворот жизни, решительный выбор, риск - и вот она купчиха, ювелир, дворянка, любимая жена, мать. А похоже, что и снова станет матерью... Дай-то Бог!

Фиалки пармской свежее дыхание

Странно ощущала себя Марья Яковлевна: будто кукла-марионетка, у которой внезапно перерезали все ниточки, вдруг обрела свои собственные силы, вот только желания двигаться не было вовсе.

Её не радовали первые теплые солнечные лучи, играющие бликами в сосульках, свисающих с крыш, не приносили приятного оживления радостные крики горожан, с приходом первого робкого тепла очищающих свой город от зимнего мусора и грязи.

Ох и грязен же оказался февральский Мобёж!

Обилие лошадей в казачьих и башкирских лагерях, ранее полнившее воздух звонким ржанием да звоном копыт на льду теперь, с приходом оттепели, наполняло окрестности

непередаваемым духом угвазданной по самое некуда конюшни. Местные фермеры на симпатичных, но маленьких тележках, запряжённых осликами и просто на тачках развозили навоз по своим земельным наделам и разбрасывали прямо так, поверх укрывающего поля снега.

Франты и хорошенькие горожанки, одев коньки, наслаждались последней возможностью пофорсить на льду замерзшей реки. И только дети радовались от всей души, катаясь на санках с тающих горок и кудлатые собаки, преследуя заливистым лаем ухоженных господских мопсов и левреток.

Звенели колокола в аббатстве и часовне Чёрных монахинь, приглашали Марию Яковлевну на службу то полковой священник, отец Андрей, то госпитальные святые отцы. А как не пойдёшь?! Ходила, стояла службу, губы шептали молитвы и прикладывались к Кресту...Только не было в душе Машеньки мира и места для Бога тоже не осталось.

Николай смотрел на эту ледяную прекрасную женщину, на лице которой не было никаких эмоций: ни гнева, ни горя, ни сочувствия, ни радости и не мог понять, как разбить эту броню, за которой спряталась истекающая кровавыми слезами его малышка? Ни крики, ни скандалы не помогали, один раз он даже замахнулся на неё, но замер, поймав безучастный взгляд чистых серых глаз.

Она почти не говорила, Дениз, плача, рассказывала ему вечерами, как хозяйка, подумать только - благородная жен-

щина, то взялась стряпать на кухне, то стирала в прачечной, то тесто завела, а потом и хлеба напекла, да не чёрного, какой с упоением поедали гости, а белые пушистые булки. На молоке, яйцах и масле - и это в Великий пост?!

Махнув рукой, Николай Федорович с головой окунулся в работу, оставив жену блуждать в потёмках самобичевания. Постепенно Марья Яковлевна окрепла и к марту уже выходила на прогулки. Весна пришла на Север Франции: цвели на пригорках нарциссы и примулы, нежные фиалки и цикламены. Рачительные хозяйки выходили на промысел с широкими низкими корзинками, в которые собирали первый урожай.

Стебли, корни и цветы фиалок активно использовались французами в производстве лекарств, духов, кремов и припудриваний для кожи, ими ароматизировали ликёры и просто засахаривали.

Гордостью местных кондитеров считаются засахаренные цветки фиалки: ее лепестки обволакивают взбитым яичным белком, присыпают сахарной пудрой и подсушивают в естественных условиях. Лакомство употребляют как десерт. Также по старой традиции цветки фиалки бросают в бокал с шампанским, что придаёт напитку яркий цвет и необычный аромат.

И русские дворяне с удовольствием открывали свои кошельки и отсчитывали сантимы за деревянные коробочки с

засахаренными лепестками и пастилками от кашля и десимы - за притирания, 10 десимов - вот уже и франк.

Засахаренные розы

А уж как вывозили шелка лионские - подводами везли казачьи разъезды старые запасы коньяку, тюки и штуки материи: славится в России бархат лионских ткачей, нежный и узорчатый. Да только и русские не лыком шиты - платить таможенные пошлины проигравшим - ищи дурака! Нагрузил подводу, да тёмной ночью горной тропкой в Бельгию и...

Гойда!

Ах, как тепло и уютно говорилось и сиделось в тавернах: обилие птицы и мяса копчёных, отварных и зажаренных видов: птицу и коров нужно кормить, а чем кормить, если зерна людям не хватает? Паштеты, запечённые в пирогах, так сладко запивать нежными винами.

А чтобы трактирщик знал, кто тут главный - убрать под стол пару опустевших бутылок. Вот она откуда, старинная пусская примета о пустой винной таре на столе, траутирщики считали не выданные на стол или компанию собутыльникам бутылки, а опустошённые, оставшиеся на столе после трапезы. Эх, смекалка русская, нигде не пропадёт...

Долгими одинокими вечерами в тишине Маша перебирала в памяти картины прошлого, вычленяя где и когда оступилась, где свернула не туда. Два момента терзали её совесть:

дочь, оставленная на попечении в московском монастыре и...

А вы помните?

Рецепт засахаренных цветов.

Ежели вам не лень, возьмите 1 яичный белок, сахар, измельчённый в ступке и много свежих цветов (фиалка, роза, цикламен, сирень, ноготки и прочаи настурции).

Вариация первая: белок хорошо взбить, кисточкой нанести его на лепестки цветов сверху и снизу и обсыпать со всех сторон цветочек над коробочкой (над тарелкой неудобно) из ситечка мелким сахаром. Сушить сутки при комнатной температуре, хранить в непрозрачной таре лучше в холодильнике и не долго.

Вариация вторая: те же и ленивые: обмакнуть цветок во взбитый белок, хорошо отряхнуть и обсыпать мелким сахаром. Сушка.

Вариация третья, безъяичная: сварим сиропчик из сахара и лимонного сока. В остывший сироп окунаем цвяточки, обсыпаем, сушим etc.

Вариация чятивёртая, с заморочками.

Мелкий сахар и цветочки пересыпаем слоями на сутки-двое. Скукоженные растения выкидываем или съедаем (ароматно!), сахарок в паре ложек воды растворяем (он паа-ахнет!) и новую партию свежих цветов/лепестков в карамельный сироп остывший опускаем и посыпаем мелким сахаром.

Пудра слишком мелкая. Сахар слишком крупный. Цветы

долго не хранятся.

Глава 7 Как Мэри и Мэри наряды творили

Потрясающий ансамбль для княжны Волконской буквально взбудоражил свет.

Как диктует свет и мода, с первыми внешними солнечными днями, с приближением тепла, весь свет петербургский фланировал по бульварам и набережным очистившейся уже ото льда Невы. Петербургские денди и трепетные барышни, просватанные в почти минувший Сезон, и ещё не нашедшие женихов, ежедневно гуляли по Невскому проспекту, Английской набережной и Адмиралтейскому бульвару. Тут, в сопровождении зорких маменек невесты общались с женихами, тут, под яркими солнечными лучами не скрыть то, что можно утаить в зыбком мареве свечей бальных залов.

Государь Александр I сформировал модный маршрут: от Зимнего дворца, через Дворцовую набережную до Прачечного моста и затем через Фонтанку до Аничкова моста, откуда затем гарод фланирующий возвращался через Невский проспект. Так что мисс Мэри Беннет, в последнее время часто навещающая с плодотворными визитами Мэри Ларину, могли из окон наблюдать за променадом, пока её хозяйка, отослав прочь камеристок, секретничала с подругами и флиртowała с офицерами и денди.

Яркий солнечный день был спланирован для самого эффектного длинного жакета из новой коллекции мастериц-затейниц. В таком свете, в движении, сама ткань и весь образ становились прекрасной рамкой для оживившейся княжны Волконской.

Тихая смуглая мышка Марья Николаевна в изумрудно-зеленом пелиссе, в бело-зеленом с серебром, расшитым нежно-салатовым хрусталём и сизыми жемчужинами головном уборе не могла остаться незамеченной.

Ах, как удивительно устроены дамы и господа!

Дамские взоры мигом разделили чудесный ансамбль на детали, ревниво-капризные:

- Ничем не примечательное, Ах, ну вовсе аскетическое, даже вышивкой не украшенное платье. Едино - скромная оборка по подолу и украшает это непризентабельное творение портновского искусства, достойное разве что домашнего утреннего платья.

И более радующие её чувствительное сердце одобрительные взгляды почтенных матрон.

- Чудесное сочетание, вы не находите, сударыня: шежнейший шёлк слоновой кости подкладки её шляпки скрадывает излишне смуглую кожу княжны Марьи Николаевны, а этот чудесный зелёный тон делает её глаза воистину кошачьей прелести или зелёными, как эта первая травка.

Жадные глаза сверстниц и юных особ на выданье оценивали выделку и сложный цвет мерцающего на солнце шёлка.

- О, Долли, это не иначе как люкзорского шёлку пелисс, мне сказывала маменька, что делается он из шелку с шерстью: мягок, прочен и блестящ как атлас, он по видам бывает гладким или травчатым.

- Но обратите внимание, Нелли, как прихотливо украшен он всей этой серебряной канителью, снурками шелко́выми, кисточками и сборками. Кажется, уж чего проще? А как затейливо!

И Дарья с Анной, в угоду моде именуемые себя на французский изысканный манер, ласково улыбались княжне Марье, и пожимали ей руки, и справлялись о здоровье батюшки, и интересовались планами на лето, и сетовали, что не хватает её ума и юмора в светском обществе фрейлин двора Её Императорского величества.

Уязвлённое самолюбие княжны Марьи Николавны тешили эти одобрительные кивки "старых светских кошек", и нежные взоры товарок с тщательно притушенной завистью, и восхищённые взоры молодых ловеласов. Ибо для мужских взглядов все эти женские уловки теряли свою индивидуальность, складываясь в единый образ свежести, живости, ума при чуть угасшей юности.

И богатства, разумеется! Мэри только посмеивались: осада их продолжалась и цены на их услуги неизменно росли: 300 рублей стоил эскиз ансамбля на выход с подсказками по крою и цвету, с готовой выкройкой по меркам модели - уже 600 рублей. Но наши затейницы пошли ещё дальше - они

стали представлять уже раскроенные модели - не слишком умелым крепостным швеям (да, встречались и такие) или самим барышням оставалось лишь сшить, тщательно посадив платье по фигуре барышни на выданье. Такие наряды подбирались по стоимости к 1000 рублей.

Дорого ли? Дорого! Но одно только платье у французской или английской модистки стоило столько же, а здесь - и платье, и шляпка, и модный жакет.

Впрочем, этой тайной услугой пользовались без опаски только совсем немногие - те, кто уже вошёл в круг постоянных клиентов и без жалости отдавал на переделку устаревшие наряды. Мэри Беннет с удовольствием экспериментировала, давая новую жизнь прекрасным тканям, пылившимся на чердаках и в сундуках старинных имений и увядшему, потерявшему блеск жемчугу.

Вы спросите, а чем же занималась мадам Ларина! А жемчугом и занималась: сортировала, подбирала оттенки и размеры, плела, стягивала, скручивала, оживляла.

Пояснения: шёлк "люкзор" изготавливали из шелка и шерсти во Франции. Наименование получил в честь Луксора в Египте (мы же помним, как восхищался Бонапарт пирамидами и даже, поговаривают, навещался в Хеопсову гробницу).

Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом

За весь март и апрель 1817 года в Мобёже едва ли набралось пятюк дней без дождя.

Ночью порой подмораживало и раннее утро частенько будило горожан стуком то ли мокрого снега, то ли града по крышам домов, выложенным черепицей. Ручьи грязной воды несли в Самбру нечистоты и мусор, скопившийся в закоулках и двориках, и городок хорошел на глазах с каждым днём.

Но нерадостными были лица местных жителей, кутаясь в тяжелые плащи, с опаской поглядывали они на хмурые небеса. Обычная для апреля в северной Франции погода - тёплая сырость да хмарь, а вот что будет в мае? Обычно солнечный и тёплый, когда даже ночью редко столбик термометра опускается ниже +15 градусов по Цельсию, а хмурые дни можно по пальцам одной руки пересчитать, позабылись за катаклизмами погодными последних трёх лет. То град побьёт цветущий виноград и персиковые деревья, то заморозок скуёт ростки кукурузы или сорго. Те, кто картофелем промышляет рискуют чуть меньше - закопаны корнеплоды, не так легко до них холоду пробраться, а ещё для тепла под клубни соломы с песком и золой накидают - и с урожаем! Но благоденственнее тем, кто торгует - постой русской армии буквально спасал приграничные с Бельгией территории и их жителей. Поставки зерна, круп, муки, овощей и мяса обогатили многих.

Особым спросом среди офицеров и простых солдат, казаков и даже башкир пользовалась рыба: солёная, вяленая, маринованная и свежая рыбка при обилии постных дней и строгостями православного вероисповедания становилась

продуктом первой необходимости. Обилие видов супов и пирогов, способов приготовления и подачи морской и речной рыбёшки изумляли французских гурманов.

Они даже не догадывались, что в города, удалённые от моря на телегах в бочках доставляют и рыбку и устриц с мидиями в совершенно живом виде.

Проводники тишком от пограничников и таможенников водили караваны русских контрабандистов, перевозивших на родину вина, ткани, фарфор и прочие предметы искусства, которые оказались не так уж драгоценны, когда в жёлудке пусто.

Бесконечный перестук дождя за окном и низкие серые тучи всё глубже погружали Марию Яковлевну Арендт в тоску и печаль и казалось, что ничто уде не способно пробудить тот задор, гнев, весёлость, язвительность и общее непередаваемое сиянье, что когда-то так привлекло в ней её Никóлушку. Она просто жила, погасшая и безучастная ко всему. До того самого момента, когда Дениз...

Обычный серый апрельский день угас, Дениз в кухне заканчивала приготовление обеда, сервировать стол она начнёт, едва господин Арендт вернётся со службы. Порой он задерживался допоздна, но госпожа к блюдам без мужа не прикасалась, просто сидела перед тарелкой с остывшей едой, и Николай Фёдорович без повода старался в госпитале не оставаться. Но в этот раз прибыл боец с сильным ожогом на лице и пальцах - вспыхнул порох при зарядании на стрельбах и в

этот вечер хирург обрабатывал ожоги и пришивал полуоторванные пальцы.

В кухне маленького особняка горел свет, но в верхних тёмных этажах едва мерцало пламя в каминах, и воришка решил, что дом пуст - мало ли куда подевалась хозяйка, раньше исправно кормившая бедняков в квартале? В доме доктора наверняка есть, чем поживиться, а уж у русских денег и еды всегда вдоволь. И он забрался на крышу, а потом проскользнул на балкончик мезонина.

Отжать дверную створку ножом - пара пустяков, а вот чего он не ожидал, так это того, что в кресле перед едва горящим камином окажется высокая и худая женщина.

Всё смешалось: Маша едва повернула голову на неожиданный резкий скрип высокого и узкого французского окна - балконной двери и встала из кресла, чтобы поприветствовать гостя. И в этот самый момент открылась дверь с чёрной лестницы - Дениз принесла своей госпоже чашку чая и тарелочку с так любимыми мадам горячими оладьями. Три голоса прозвучали одновременно: "Чем обязана, сударь?", "О! Мадам, это грабитель!?", "Merde".

Зазвенела, разбиваясь, чашка, кипятки из чайника попали на ногу бандита, тот рванул к даме, на шее и платье которой сияли камни в украшениях - хоть что-то урвать перед тем, как сбежать, сама Маша бесстрашно шагнула вперёд, чтобы сделать хоть что-то. Дениз метнулась между ними, она одна понимала, что в руке у вора блестел нож.

Бедняга Пьер всего-то хотел отмахнуться от девушки, метнувшийся к нему и державшей в руках даже на вид увесистый металлический поднос. Увы он совсем забыл, что держит в пальцах нож, которым только что вскрыл окно. Серебряной рыбкой в ночи мелькнуло лезвие, и тёмная кровь алым плащом окутала девушку, которая стала медленно заваливаться назад, прямо на свою хозяйку.

Действуя на рефлексх, Маша подхватила соскальзывающее вниз тело Дениз, и вместе с нею опустилась на ковёр. Растерявшийся Пьер, не знающий что ему делать: просто убежать или предварительно сорвать с шеи госпожи драгоценность, автоматически шагнул вперёд, да наступил на осколки чашки. Черепок, скрипнув по лакированному полу, опрокинул бедолагу, и тот с грохотом ударился затылком об пол.

Не больше трёх секунд миновало, а как изменилась диспозиция: всё та же тишина, всё та же темнота, и так же потрескивают в камине сгорающие дрова. У ошеломлённой Марии Яковлевны на руках истекает кровью девушка-служанка, а рядом - только руку протяни - безмолвный грудой лежит человек, который явно планировал её убить или ограбить, и только почти убил юное несчастное создание.

Быть женой хирурга и ничего не слышать о методах и методиках оказания первой помощи? Так не бывает, даже если на дворе просвещённый 19 век. Удар пришелся в левую верхнюю часть руки девушки, точнее рассмотреть невоз-

можно: слишком темно и ткань длинного рукава платья мешает. На секунду выпустив из рук Дениз, Маша напрочь оторвала рукав по разрезу и тут же перетянула обрывком ткани руку выше длинного и глубокого пореза.

Кровь, хлеставшая из раны потоком, почти остановилась, но времени на размышления и истерику не оставалось. Схватив перепачканными в крови руками злосчастное кресло, Мария Яковлевна буквально пригвоздила им к полу незадачливого Пьера.

Свечи из отличного воска, предназначенные для долгих дворянских посиделок и хранившиеся в хозяйском шкафу она расставила рядом с телом девушки, находившейся в глубоком обмороке. Бутыль спирта, иглы и шёлковые нитки, чашки, миска и отличные батистовые платки. Руки дрожат, страшно? Плакать будем после.

- Господи, твоя воля! Помоги мне, если больше некому, - размашисто перекрестившись, Марья Яковлевна Арендт, стоя на коленях на полу у тела Дениз, зажгла все свечи, как следует вымыла в спирте собственные руки, протерла кожу девушки возле разреза, бросила в чашку со спиртом изогнутые вышивальные иглы со вдетыми шелковыми нитками, и только тогда позволила себе рассмотреть рану.

Чистый, ровный прямой разрез, видны слои кожи, тканей и почти перерубленные сосуды.

- Маша, волосы. Они не должны попасть в рану, - она и не слышала, как и когда в комнату зашёл супруг. - Тебе всё

сейчас придется делать самой, я буду подсказывать, пока не обработаю руки.

Пока муж раздевался до рубашки, Маша очистила раневое поле, осушила рану и приготовилась исполнять его приказания. Перевязать артерию выше и ниже рассечения, защитить края раны и наложить тугую повязку - это только звучит быстро, а на деле не менее получаса прошло.

Через час жандармы, вызванные на место преступления, с ужасом и благоговением взирали на благородную даму, перемазанную в засохшей уже крови, и рыдавшую в три ручья в объятиях полуодетого мужа, бледную мадемуазель - служанку с перебинтованной от плеча до локтя рукой, лежащую на хозяйской перине, и знаменитого доктора в белоснежной рубашке. Однако лужа крови на полу красноречиво говорила сама за себя.

Более всего озадачил их щуплый воришка, на котором стояло тяжёлое кресло, буквально обездвигив его. Невозможно было поверить, что подняла кресло вот это хрупкая мадам - его с трудом поднял на уровень пояса крепкий мужчина, освобождая шею разбойника от придавившей спинки.

Впрочем, кто в них разберётся, в этих ненормальных русских?

Глава 8 Гори, гори моя звезда

Нынче Мэри Беннет уже не задирала свой милый, слегка курносый носик - Мэри Ларина встала с ней на одну дворянскую ступеньку.

Ну, да им обоим то на пользу пошло.

Как же хорошо, когда в дальнем далеке найдется человек, с которым можно вспомнить прошлое. Оживают в разговорах ушедшие в мир иной, вновь рядом звучат их голоса и кажется, стóбит оглянуться - и вот они, рядышком, тихо улыбаясь, беседуют о чём-то загадочном и недостижимом миссис Беннет с миссис Шиллингворт. Резвятся у их ног малыши: сестрицы и братики Мэри Лариной и племянник Мэри Беннет, так и не увидевший свет сынишка несчастной Лидии.

Новости из Англии не радуют: пришла весна, а с ней дожди проливные и заморозки - совсем, как в России. Мэри Ричардовна даже не побрезговала минувшим летом к све-крови за помощью обратиться - помогли пр урожаю с семенами местной, северной, устойчивой к заморозкам озимой ржи, что прорастает под снегом и зреет под бледным северным солнцем (до 360 дней вегетационный период, включая долгий сон под зимними снегами!) и устойчивых сортов пшеницы, которым от прорастания до полного созревания надо всего 3-4 месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.